Номинант на Нобелевскую премию в области литературы

Андрей Малышев

Ангелы улиц

Андрей Малышев

Ангелы улиц

Номинант на Нобелевскую премию в области литературы

Ангелам во плоти

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Содержание

Уважаемый Андрей Валентинович!

Герои не должны быть забыты, и надо, чтобы будущие поколения знали их и чтили их память. Забывая о подвигах современников, мы забываем историю современной России.

Майор Николай Мельничук. Вологда. Россия

Уважаемый Андрей Валентинович!

Хорошо, когда есть Настоящие люди, и когда награды все-таки находят своих Героев. Спасибо Вам!

Член Союза писателей России Марина Борина-Малхасян

Уважаемый Андрей Валентинович!

Очень горжусь тем, что Вы — наш соотечественник и выдвинуты на соискание Нобелевской Премии в области литературы. Желаю Вам удачи! И уже этот факт говорит о том, что Вы нашли себя в профессии и призвании! Очень рада за Ваши успехи!

Всего Вам самого доброго.

С уважением, телеведущая Ольга Марами

Т Е Л Е Г Р А М М А П Р А В И Т Е Л Ь С Т В Е Н Н А Я

Андрею Валентиновичу Малышеву.

Уважаемый Андрей Валентинович!

Примите мои искренние поздравления с Днем Рождения!

Вы относитесь к числу мужественных и смелых людей, избравших для себя высокую и крайне опасную миссию – охранять законность и правопорядок в стране.

За годы работы в правоохранительных органах Вы всегда честно выполняли свой служебный долг с риском для жизни и здоровья, противодействуя преступным посягательствам, ежедневно оберегая жизнь и покой граждан.

Убеждён, Ваше чувство Долга и отзывчивость на чужую беду, стремление помочь, стойкость являются примером для молодого поколения и сотрудников полиции.

Желаю Вам и Вашим близким крепкого здоровья, добра, счастья, благополучия и осуществления всех намеченных планов и замыслов!

Руководитель фракции Справедливая Россия

в Государственной Думе Российской Федерации

С. М. Миронов

Аннотация

В сборник «Ангелы улиц» вошли повести и рассказы, новые и уже знакомые читателю, которые посвящены славному военному прошлому или суровой действительности настоящего, но имеют одну общую основу – идеи патриотизма, ответственности перед большой и малой Родиной, благородства, отваги, бесконечной жертвенности.

Каждое повествование в сборнике участвует в своеобразной перекличке. Каждый описанный герой является истинным героем независимо от того, в какой промежуток времени он совершает подвиг. А времена различаются характером нравственности и моральных устоев, рождая вопросы: ради чего была война, к чему пришла страна, для чего такая жизнь и кому она мила и приятна.

Преемственность поколений и судеб проходит красной нитью через все повествования, собранные под единой обложкой. Неважно, в какое время ты живешь. Главное другое – как ты живешь и что ты оставишь после себя.

Понятна и горечь автора, который не желает смиряться с настоящей действительностью, пытается донести до читателя абсурдность и несуразность происходящего.

И дед, и внук в «Ангелах улиц» погибают 9 мая. Каждый спасает ребенка, но дед фронтовик верил, что отдает жизнь за прекрасное будущее страны и близких, а лейтенант полиции Славин понимает, что с его смертью светлое будущее не придет, но с решительной обреченностью выполняет высокий долг служения, ничего не требуя взамен. Он погибает от руки человека, которому отдал последние деньги. А кто расскажет об этом вытащенному из-под пуль ребенку, если всех волнует только собственное благосостояние.

Равнодушие людей, самонадеянность новоявленных богатеев противопоставляется самоотреченности и чистоте душ тех, кто гибнет за счастье других.

Герои книги словно дают возможность живущим задуматься, оглянуться, пересмотреть привычные установки на приспособленчество и жадность.

Как жить? Среди красот природы равнодушно переступать через кровь погибших или безвозмездно помогать всем и каждому, а затем встать на пути пули или ножа злодея.

На реальных событиях основаны эпизоды из «Забытого героя», с фактами настоящего спасения девочки, описание бессмертного подвига флотского экипажа СКР-22 в рассказе «Пассат», повесть «Бессмертный экипаж».

Великая война еще только начинается. Двадцать третьего июня сорок первого года советский танк «Клим Ворошилов» с номером 52 выходит из окружения. В сборном экипаже - танкисты, уцелевшие после кровопролитного боя. Этому танку, расстрелянному близ литовской деревни,

как и экипажу рыболовецкого траулера в Баренцевом море, суждено стать олицетворением мужества, стойкости всех русских воинов, готовых отдать жизни за правое дело и отстоять родную страну перед полчищами врага.

Лейтенант Андрей Соколов – тоже не вымышленное лицо. Автор знает, о чем пишет, погружая читателя в реально происходившие события, в будни простого милиционера, отважного и отзывчивого, который не декларирует лозунги, а действительно служит народу, спасая настоящих, конкретных людей.

Сотрудникам патрульно-постовой службы посвящен рассказ «Постовой»; повесть «Истина лейтенанта Соколова», посвящена Маме Героя,и эти произведения написаны кровью сердца,и которые никого не оставят равнодушным.

Автор - Андрей Малышев проносит веру в человека и его духовное достоинство через собственную жизнь и судьбы своих персонажей. Его книги учат людей думать и делать выбор.

Редактор Творческого Объединения "Неформат" Валерия Теплова

Андрей Малышев

Номинант на Нобелевскую премию в области литературы

1963

Живой Бог в Любви обитает!

Бессмертный экипаж

Повесть

основана на реальных событиях

Никто не забыт, ничто не забыто!

Тебе, неизвестный солдат

Великой Отечественной Войны,

ПОСВЯЩАЕТСЯ!

На опушке леса, сотрясая землю своими гусеницами, появился танк.

Чихнув двигателем, он остановился. Звонко открылся башенный люк, и из тяжёлого советского танка КВ с номером 52 на башне вышел экипаж в составе шести человек.

Командир танка, он же командир 3-й танковой роты 4-го танкового полка старший лейтенант Трященко Иван Захарович, родом из Житомира, внимательно посмотрел на свой сборный экипаж. Вот взводный лейтенант, двадцатисемилетний Габинский Яков Федосеевич из Винницы, другой лейтенант – светловолосый наводчик Ранцев Василий Петрович, ленинградец. Других бойцов командир знал не настолько хорошо. Вот тот, что поплотнее, механик-водитель Ершов Павел из Пскова, рыжеволосый трансмиссионщик-радист – Смирнов Вячеслав, темноволосый моторист-заряжающий – Широков Николай.

Сборный танковый экипаж выходил из окружения.

Почему из окружения и почему экипаж был сборным?

Да потому, что на дворе стояло жаркое лето тысяча девятьсот сорок первого года, а именно – двадцать третье июня. И хотя тёплое литовское лето в пяти километрах от города Расейняй в районе небольшой деревни Дайняй и могло радовать кого-либо, но только не экипаж грозного танка «Клим Ворошилов», только что вышедший из боя.

Бой был суров, и некоторые из КВ были подбиты, поэтому-то уцелевшие танкисты и примкнули к борту 52, который также не избежал потерь.

Командир мог бы рассказать, как его экипаж в составе подразделения советских танкистов в первые же дни войны принял участие в уничтожении колонны вражеских танков, но говорить об этом было не с кем, да и незачем.

А сейчас его танк возвращался на соединение со своей воинской частью, правда вот, в пути их КВ стал барахлить, в связи с чем и произошла остановка. Хотя, было похоже, что в очередной раз подвела трансмиссия.

– Ну, что, Вячеслав, – обратился командир танка к трансмиссионщику Смирнову, – опять поломка по твоей части?

– Боюсь, что да, командир, – виновато посмотрел на старшего лейтенанта Смирнов, – слабое место у КВ – эта механическая трансмиссия!

– Посмотри, что можно отремонтировать, – строго посмотрел командир, – механик и моторист тебе помогут, только не затягивайте, ребята, война не ждёт!

Трященко отошёл в сторону, если бы не война, то поневоле залюбовался бы здешней природой, но настроение, увы, было не самое лиричное.

К нему подошёл лейтенант Ранцев Василий, исполняющий обязанности наводчика орудия: – Что делать будем, командир, и без доклада механиков ясно, танк в любой момент выйдет из строя, если уже не вышел!

Спустя некоторое время к командиру подошли механики. Посмотрев на их безрадостные лица, Трященко понял, что ему сейчас скажут.

– Товарищ старший лейтенант! – обратился к нему трансмиссионщик, – не могу вас порадовать, посмотрели мы с ребятами и нашли неисправность, судя по всему, в коробке передач полетел главный фрикцион сухого трения!

– Насколько это серьёзно, Вячеслав? – пытливо посмотрел на Смирнова командир, – говори всё как есть.

– Считайте, товарищ старший лейтенант, – с сожалением ответил подчинённый, – остались мы с вами без танка, до расположения подразделения он не дотянет, силёнки ему осталось максимум на один короткий бросок, и всё, остановится машина!

–Так, товарищи, – обратился к экипажу его командир, – ситуацию знаете, давайте посоветуемся, как быть дальше.

– Командир, – посмотрел на Трященко лейтенант Ранцев, – в танке практически полный боекомплект, можно, конечно, и взорвать его, а затем в пешем порядке искать наше отступающее подразделение, но сейчас идёт война, и, я считаю, каждый снаряд, каждая пуля должны бить по врагу!

– Ты прав, Василий, – одобрил своего заместителя Трященко, – танк должен бить врага! Есть другие мнения, товарищи?

– Нет, – единодушно поддержал командира экипаж.

– Более того, – продолжил свою речь Ранцев, – считаю, что нужно ударить, когда по дороге пройдёт колонна противника. После чего предлагаю занять и перекрыть дорогу. Учитывая, что кругом болота и непроходимая местность, мы перекроем снабжение немецких захватчиков между городом и полевыми частями немцев!

– Товарищ командир! – в разговор вступил Николай Широков, – нас не объявят предателями и дезертирами? Может быть, стоит отступить и поискать наши части?

– Эх, боец, – грустно улыбнулся Трященко, – дай некоторым волю, так они аж до Москвы отступили бы! Вот что, слушай боевой приказ! Наша Родина там, где мы стоим, и ни пяди своей земли мы захватчикам не отдадим! Драться будем здесь и столько, сколько нам позволят наш долг и совесть! Родина у нас одна, и сдавать мы её своим отступлением не будем, никогда и никому! Приказ ясен?!

– Ясен, товарищ командир, – с извиняющейся улыбкой посмотрел на Трященко танкист, – вы только не думайте плохо обо мне, я не трус, просто я боялся, чтобы нас не посчитали предателями и дезертирами!

– Да разве такое возможно, товарищ боец, – укоризненно посмотрел на подчинённого старший лейтенант, – Родина нас не забудет, как и мы её!

– Так, а теперь разведать обстановку, при обнаружении телефонных проводов противника уничтожать их, – командовал Трященко, – поскольку должна у них быть связь. На разведку местности выходят Ранцев и Габинский. Старший группы – лейтенант Ранцев. Механикам продолжить, по возможности, ремонт танка.

– Есть, товарищ командир! – улыбнулся Ранцев, и они пошли на проверку и обследование местности.

Впрочем, через пару часов офицеры вернулись, и старший группы радостно доложил командиру, что ими были обнаружены и уничтожены немецкие телефонные провода.

– Молодцы, ребята, – похвалил Ранцева и Габинского командир, – скоро они зашевелятся!

– Товарищ командир, Иван Захарович, – обратился к старшему лейтенанту Ранцев, – в танке кончились припасы, сухой паёк на исходе, разрешите быстренько отлучиться до близлежащей деревни, местные помогут нам с

едой.

Трященко понимающе улыбнулся, зная истинную причину похода лейтенанта за провиантом.

– Ладно, – миролюбиво согласился командир, – одна нога здесь, другая там, тем более уже вечереет, по темнянке немчура не полезет.

– Спасибо, командир, – уважительно посмотрел на ротного Ранцев и довольно-таки быстро удалился в нарастающей тьме по направлению к деревне.

Были причины торопиться у лейтенанта Ранцева, были!

По той простой причине торопился наш Василий, потому что жила с недавних пор там его сердечная зазноба – Настя Найдёнова, его Настёна, как он ласково её называл.

Правду говорят, что у любви есть крылья, потому как не иначе как на крыльях любви быстро добрался к своей Насте её Василий.

– Василий? – открывая дверь на его стук, удивилась Настя, – ты здесь какими судьбами, ведь война же, я уже и не чаяла тебя встретить живым! Что стоишь, проходи, рассказывай.

С радостной улыбкой Ранцев зашёл в дом своей милой.

Время, проведённое с любимой, пролетело незаметно...

Уже прощаясь и целуя её, Василий сказал: – Под утро мы уйдём в расположение наших частей, не печалься, родная, и не ищи нас, жди нас с победой!

Сказал это из боязни, что Настя будет искать его.

Уходя к танку, Ранцев ещё раз с любовью посмотрел на свою Настёну и, придерживая вещевой мешок, наполненный продуктами, которые собрала для них девушка, вышел из дома.

Придя по утренней зорьке к танку, лейтенант не обнаружил, к счастью, никаких перемен: КВ мирно стоял на опушке леса, у самой дороги.

– Экипаж, подъём! – постучал он по люку, – кухня прибыла!

Люк открылся, и из танка вылез командир.

– Ну как, Ромео, – с хитрецой посмотрел на Василия старший лейтенант, – дела на любовном фронте? Надеюсь, лучше, чем у нас? Танк мы так и не починили, трансмиссия полетела… Теперь разве что до дороги доехать, и всё!

– Продукты я принёс, командир, – приподнял тяжёлый вещмешок Ранцев, – с голоду теперь точно не помрём…

– Это точно, – улыбнулся Трященко, – от голода нам смерть точно не грозит!

Проснувшийся экипаж разбирал нехитрую крестьянскую снедь, собранную Настей.

Позавтракав и отложив остатки продуктов на запас, командир выставил в наблюдение бойцов, а сам с механиками вновь попытался отремонтировать так некстати сломавшуюся трансмиссию.

Быстро светало.

В лесу, словно бы и не было войны, беззаботно щебетали птицы, встречая вместе с всходящим солнцем третье утро войны.

– Командир! – к танку подбежали выставленные наружные наблюдатели, – со стороны Расейняя идёт колонна машин!

– Экипаж, – крикнул старший лейтенант, – к бою! Приготовится к атаке!

Бойцы занимали в танке свои штатные места, готовя машину к последнему броску.

Действительно, со стороны города по дороге шла большая колонна из двенадцати тяжело гружёных немецких машин, которую сопровождали два броневика боевого охранения.

– Ну что, товарищи! – раздался в танке по внутрипереговорной связи голос командира, – за нашу советскую Родину, за Россию, вперёд!

Танк, грозно лязгнув гусеницами, как сокол, повергающий свою жертву, выехал с опушки и устремился в сторону вражеской колонны!

Ужасу немцев не было конца, когда на дорогу выехал грозный советский танк и, стреляя одновременно из пушки и пулемётов, принялся огнём и гусеницами уничтожать немецкую колонну.

Прошло совсем немного времени, как вся вражеская колонна, полностью разбитая, пылала огнём и чадила удушливым дымом.

Русский танк, закончив своё победоносное дело, пару раз чихнув двигателем, остановился как вкопанный на дороге, на этот раз навсегда.

– Всё, командир, – невесело доложил трансмиссионщик Смирнов, – отъездили своё, отслужила своё «кэвэшка».

– Ничего, бойцы, – приободрил экипаж командир, – наша битва ещё впереди, теперь чаще башней надо крутить, чтобы не подобрался немец.

Подчиняясь электромотору поворота, башня КВ стала медленно поворачиваться, ища противника.

– Никого, командир, – доложил наводчик орудия и не удержался, – а всё-таки мы их сделали красиво!

– Так впредь и держать! – одобрил боевых друзей командир. – Держитесь, ребята, верю я, что помощь не за горами. Просто первый немецкий удар был таким внезапным! Должны наши оклематься и погнать врага везде – верите мне?

– Да, командир, – дружно отозвался экипаж, – иначе и быть не может!

В это же самое время в штабе боевой группы вермахта «Зекендорф» шестой танковой дивизии полковник Эрхард Раус получал разнос от генерал-полковника Эриха Гёпнера.

– Господин полковник! – раздражённо смотрел на Рауса генерал, – в чём дело? Мне поступил доклад, что наше наступление сдерживает один единственный советский танк! Им только что была уничтожена наша колонна из двенадцати грузовиков со снабжением и два броневика охраны!

– Не могу знать, господин генерал, – нахмурился полковник Раус, – сообщения поступили только что! Экипажем танка, кроме уничтожения нашей колонны, были повреждены телефонные провода, связи со штабом дивизии нет! Кроме этого, танк ведёт прицельный огонь по нам и по городу.

– Какие меры приняты для немедленного устранения этой занозы? – жёстко посмотрел на полковника генерал. – Вы со своими подчинёнными срываете планы наступления дивизии, вы хоть это понимаете?!

– Так точно, понимаю, господин генерал, – согласился Раус, – разрешите доложить! Мною приняты следующие меры: третья батарея истребителей танков лейтенанта Венгенрота заняла свою позицию, подключена батарея ста пятидесяти миллиметровых гаубиц, рота лейтенанта Гебхардта минирует дороги, танковый батальон майора Шенка готов к контратаке!

– Избавьте меня от ваших подробностей, – небрежно махнул рукой генерал, – приказываю вам лично заняться уничтожением этого танка! Или вы хотите, чтобы я занялся этим?!

– Никак нет, господин генерал, – обиделся полковник, – сегодня же этот танк будет уничтожен! Разрешите идти, господин генерал?

– Да, идите – посмотрел на него Гёпнер, – жду вашего доклада!

Отдав армейское приветствие, то есть козырнув, а не вскинув руку в партийном жесте, полковник Раус вышел из штаба, намереваясь лично выехать и руководить войсковой операцией по уничтожению русского танка, так некстати перекрывшего снабжение и наступление дивизии.

Проводив взглядом Рауса, Эрих Гёпнер задумался: один-единственный танк противостоит силам немецкой дивизии, находясь, по сути, в тылу врага.

Странные, странные эти русские! Неужели они так рьяно исполняют приказы своего командования?! Впрочем, приказы необходимо исполнять!

Да, не знал генерал, что он сам в тысяча девятьсот сорок втором году за неподчинение приказу Гитлера будет лишён абсолютно всего, а восьмого августа тысяча девятьсот сорок четвёртого года по приказу этого же Гитлера будет казнён – повешен в тюрьме Берлина как активный участник заговора против бесноватого вождя.

В это время наши танкисты находились в раскалённой от жаркого летнего солнца башне КВ, который по-прежнему стоял на дороге, и гадали, какие ещё пакости и неприятности готовят для них немцы.

Внезапно на дороге, направляясь в город, показался немецкий грузовик, перевозящий захваченных в плен бойцов Красной Армии. Заметив советский танк, немецкая машина остановилась как вкопанная.

– Командир, смотри, пленных перевозят, – оживился наводчик лейтенант Ранцев, – что делать, Иван Захарович?

– Спокойно, Василий, спокойно, – их командир был невозмутим, – дайте над головой машины пару очередей из пулемётов! Только аккуратней, наших не заденьте!

В танке, открыв огонь над крышей грузовика, ожили два танковых пулемёта Дегтярёва ДТ-29 – тот, что был спарен с орудием и курсовой, кормовой ДТ-29 молчал. Было видно, что военнопленные разбегаются из машины, уходят в лес. Добившись цели, пулемёты замолчали.

Спустя некоторое время экипаж обнаружил, что немцы не оставили их в покое: было видно, как оккупанты подтаскивали по лесной местности целую батарею, состоящую из четырёх орудий пятидесятимиллиметровых противотанковых пушек.

– Ну что, командир, – грустно спросил механик-водитель, – кажется отвоевались? Сейчас выйдут на дистанцию прямого попадания и будут жечь нас! Может, пугануть их?

– Не робейте, танкисты, – взбадривал командир экипаж, – мы ещё своё слово не сказали. По стрельбе – отставить! Подпустим их на максимально близкое расстояние и ударим! А сейчас пусть думают, что экипаж бросил танк, и наш КВ пустой.

Грозный КВ стоял посредине дороги и молчал, действительно создавая впечатление, что экипаж давно уже покинул его.

Прибыв на место, полковник Эрхард Раус действительно убедился и лично увидел, что мощный советский КВ одиноко стоял в центре дороги, и было видно, что он либо повреждён, либо брошен экипажем.

С точки зрения немецкого офицера танк представлял идеальную мишень, и надо было быть безумцем, чтобы оставаться в этом обречённом одиноком русском танке. К Раусу подбежал вызванный им лейтенант Венгенрот и, отдав ему воинское приветствие войск вермахта, застыл в ожидании.

– Господин лейтенант, – ответно отдал ему приветствие полковник, – вам ставится особо важная задача: вашей батарее следует незаметно приблизиться к русскому танку и уничтожить его! Выберите самых отважных солдат и исполняйте!

– Будет исполнено, господин полковник, – вытянулся по стойке смирно лейтенант, – разрешите исполнять?

– Сделайте это, – махнул ему рукой полковник, – генерал-полковник Гёпнер ждёт моего доклада!

Получив приказ, лейтенант Венгенрот удалился для его исполнения.

С интересом полковник Раус наблюдал, как командир батареи и его солдаты стали подтаскивать противотанковые пушки по лесистой местности поближе к русскому танку на дистанцию эффективной стрельбы.

Советский КВ был неподвижен, и многие из офицеров и солдат делали ставки на то, что экипаж давно уже оставил свой танк, потому что находиться в такой позиции было нелогичным и глупым с точки зрения солдат вермахта.

И вот вся батарея Венгенрота застыла на своих позициях и начала кинжальный безжалостный расстрел русского танка. Последовало более восьми прямых попаданий в русский КВ! Офицеры и солдаты рядом с Раусом ликовали, полагая, что с советским танком покончено раз и навсегда!

Вспышки огня то и дело мелькали на КВ, отмечая прямые попадания немецкой противотанковой батареи.

Внезапно Раус содрогнулся: башня русского танка развернулась и, найдя свои цели, открыла огонь из танковой пушки, планомерно уничтожая противотанковую батарею.

– Василий! – командовал командир русского танка, – цели видишь?

– Вижу, командир, хорошо вижу! – отвечал наводчик орудия. – Сейчас я их сделаю красиво!

– Давай, родной мой, давай! – кричал командир. – Огонь без команды, бей гадов!

Башня танка разворачивалась, и с каждым её поворотом семидесятишестимиллиметровое орудие танка, нащупав цель, выплёвывало огонь по немецким пушкарям.

Вот уже первая пушка врага уничтожена, вторая! Танк вёл бой один в полном вражеском окружении и не думал сдаваться!

Накрыв огнём третью и четвертую пушки врага, танк победоносно замолчал.

– Ребята, спасибо! – по громкой связи раздался голос командира. – Родина не забудет вас! Объявляю вам благодарность за уничтожение врага!

– Служим Советскому Союзу! – дрогнувшими чуть-чуть голосами дружно ответили члены экипажа.

Одинокий танк держал свою оборону!

Немцы были потрясены! Полковник Раус видел, какое разочарование охватило его офицеров и солдат после показательного уничтожения русским танком немецкой противотанковой батареи. Быстро взяв себя в руки, полковник дал команду немедленно доставить на позицию с целью уничтожения не сдающегося советского КВ

восьмидесятивосьмимиллиметровые зенитные орудия с бронебойными снарядами. Приказ Рауса был немедленно исполнен. И вот уже немецкая длинноствольная зенитка с осторожностью лисы подкрадывалась к русскому танку, стремясь поразить его.

Но не только глаза Рауса и солдат вермахта следили за передвижением зенитки, за ней пристально следил и экипаж притихшего КВ.

– Спокойно, Вася, – подбадривал наводчика орудия командир, наблюдая за приближением немецкой зенитки, – подпускаем её поближе. Пока движется, она нам не страшна!

– Вижу, командир, – отозвался Ранцев, – вижу, как-только встанут, стреляю!

Приняв решение, немецкие зенитчики остановились и лихорадочно стали приводить свое орудие в боевое положение для поражения русского танка.

– Огонь! – коротко скомандовал командир.

Советский КВ развернул башню и, поймав цель, выплюнул раскалённый снаряд, первым в этой дуэли попав во вражеских пушкарей.

– Огонь! – продолжал командовать командир. – По немецким гадам – огонь!

Не переставая, работала танковая пушка, истребляя врага. Уничтоженная зенитка беспомощно завалилась в канаву, беспощадный пулемётный огонь из всех танковых Дегтярёвых уничтожал остатки зенитного расчёта противника!

Уничтожив вражеское орудие и его расчёт, русский танк замолчал, грозно перекрывая дорогу и лишая немцев надежды на молниеносный блиц-криг, на быструю победу.

Полковник Раус озадаченно нахмурился: странные русские, таким даже не предложишь сдаться, эти точно в плен не пойдут, не купишь их ни рейхсмаркой, ни заграничной едой. Вероятно, можно было купить самых худших из русских и то со временем. Но тех, настоящих воинов, которые сейчас дрались в этом танке, подкупить было невозможно, ибо бились они за самое святое, что имели – свою Родину.

Но что всё-таки было делать с эти танком, надёжно перекрывшим единственный путь снабжения и наступления всей немецкой группировки вермахта?!

Быстро вечерело. С наступлением сумерек Раус точно понял, что докладывать генерал-полковнику Гёпнеру ему не о чем.

Поэтому он приказал лейтенанту Гебхардту вызвать двенадцать добровольцев – сапёров и уничтожить танк путём его подрыва.

Наступила ночь двадцать пятого июня одна тысяча девятьсот сорок первого года.

Солдаты – сапёры вермахта, воспользовавшись ночью, незаметно установили подрывные заряды на танке и подожгли бикфордов шнур.

В ночи раздались хлопки взрывов.

Не успел полковник Раус порадоваться смелости своих солдат, как ожили пулемёты танка, разрывая ночную темноту вспышками длинных очередей.

С каждым выстрелом у Рауса таяла надежда, что его подчинённым удастся разблокировать дорогу.

Ночь была светлой, как и любая тёплая летняя июньская ночь. Как-то незаметно для всех бойцы попали в объятия Морфея. Вскоре экипаж танка был разбужен хлопками взрывов, заметно тряхнувших танк.

– Да, командир, кемарнули чуток и фрицев проспали, – посмотрел на ротного лейтенант Габинский, – немцы не успокаиваются, судя по всему, гусеницы нам рвут.

– Ничего, Яков, – улыбнулся старший лейтенант, – в нашем КВ мы как у Христа за пазухой. А, впрочем, из всех пулемётов – огонь!

– Так ведь не видно никого! – удивился Василий. – В белый свет как в копеечку пулять?

– Всем пулемётчикам – огонь! – скомандовал командир, и объяснил. – Отпугнуть-то фрицев надо, а то ещё гранат нам насуют, а нам таких гостинцев не надо!

Ожили все три танковых пулемёта Дегтярёва, отпугивая немецких взрывников. Поработав несколько минут, пулемёты презрительно замолчали.

– Кстати, – поинтересовался командир, – Яков, вы откуда родом?

– Из-под Винницы я, Иван Захарович, оттуда весь род мой.

– А ты откуда, Василий Петрович, – обратился к Ранцеву ротный.

– Ленинградец я, – был краток наводчик орудия, – а вы, Иван Захарович, откуда?

– Из-под Житомира, – проинформировал всех Трященко, – ох, и красивые места у нас, ребята! Одна охота чего стоит, а рыбалка! Вы представляете, как здорово сидеть на нашем прудике, там такие караси и карпы! Победим врага, всех почту за честь пригласить к себе за праздничный стол. А ты родом откуда, Паша?

– Из Пскова я, у нас тоже очень красивый и древний город.

– Земеля, – заулыбались Смирнов и Широков, – и мы псковские, вот ведь как людей война сводит, а раньше и не встречались в родном городе.

– Иван Захарович, – вопросительно посмотрел на командира Василий, – извините меня за то, что спрошу, но если окажется так, что помощь к нам опоздает и будет суждено судьбой нам всем здесь погибнуть, о ком вы

вспомните в последнюю минуту?

– О маме, – грустно улыбнулся старший лейтенант, – правда нет её с нами, давно уже Богу душу отдала, а вот что-то вспомнилась она мне сегодня и даже приснилась…

– А я жену вспоминаю, – вмешался в разговор моторист Широков, – ох, и красива же она у меня! Когда по улице идёт, все мужики на неё глазеют!

– А у меня невеста Настя, – грустно как-то сказал Василий, – и если наши не успеют, боюсь, что она так и не станет моей женой…

– Успеют наши, – ободрил лейтенанта Трященко, – должны успеть!

– Командир, – понимающе посмотрел на старшего лейтенанта наводчик орудия, – ты помнишь про спартанцев, которые дрались с врагом при Фермопилах и потрясли мир своим подвигом?

– Помню, – задумчиво посмотрел на Ранцева командир танка, – не сдались они тогда, хотя враг и превосходил их многократно!

– Вот и мы не сдадимся! – глянул на них Габинский. – Как и они когда то...

– В этом даже не сомневайтесь, – кротко улыбнулся командир и выразительно замолчал.

– А все-таки, за что мы бьемся? – как-то неожиданно спросил у всех Смирнов и виновато улыбнулся при этом. – Да знаю, что за Родину, за наш Союз Советских Социалистических Республик, за Россию-матушку, за товарища Сталина, конечно, и народ наш советский!

– За них за всех, – мечтательно выдохнул Широков, – и за ближних своих, и наших потомков, которые будут после нас… Эх! Вот бы знать, какие будут они, наши дети и внуки?

Командир внимательно посмотрел на бойца и неожиданно улыбнулся:

– Какие? Да такие, что даже вообразить нельзя – честные, справедливые; такие, что даже здороваясь с незнакомцем, всегда первые спросят его: «Помочь?»

– Да, – блаженно как-то просиял Широков, – правильно говоришь, командир, правильно, а иначе и быть не может, ибо общество будет такое – справедливое!

Танкисты переглянулись, улыбаясь.

– Эх, покурить бы, – мечтательно произнёс Павел, – хотя бы махорочки.

– Да и я бы от папироски не отказался, – поддержал его Яков и покосился на командира, – знаю, знаю, Иван Захарович, нельзя, но уж больно хочется!

– Эх, ребята, – вздохнул Николай Широков, – вы всё о куреве, как заяц о табаке, а я вот дочку свою вспоминаю, красавица она у меня, вся в жену!

После чего весь экипаж задумчиво замолчал. Танкисты думали о своём, только им близком, родном и понятном.

Каждый встречал четвёртое утро войны по-своему: и немцы, и русские, потому как и война была у каждого своя.

– Экипаж, – в танке раздался голос командира, – утро наступило. Как настрой?

– Боевой, командир, – отозвался экипаж, – будем бить врага и дальше!

– Эх, выйти бы да осмотреться, – вздохнул механик-водитель, – что там ночью немчура навзрывала, да и люк хорошо бы открыть, проветрить, а то духота и жарища страшная! Да нельзя, вон сколько фрицев за кустами мелькает, да и снайпера поди на мушке нас держат…

– В этом даже не сомневайся, – подтвердил командир, – рассвело уже, скоро полезут. Отстоим матушку Россию, Родину нашу!

– Отстоим, командир, – улыбнулся Ранцев, – за наших любимых, за жизнь на земле, всё сдюжим, всё вытерпим, командир!

Экипаж танка улыбался.

Утром полковник Раус, получив заслуженную взбучку от генерал-полковника Гёпнера за то, что до сих пор не разблокирована дорога Расейняй-Шилува, принял решение вызвать авиацию на подавление советского танка, который и не думал выбрасывать белый флаг и сдаваться.

Прилетевшая пара пикировщиков «Юнкерс-87» сбросывала на танк авиабомбы, которые оставляли на земле глубокие воронки и били танк осколками.

Но, видимо, и вчера, и сегодня Бог был на стороне русских, и, хранимый неведомым русским Богом, танк устоял и на этот раз!

Бомбёжка не принесла никаких результатов! Проклятый танк был неуязвим и поблёскивал на солнце своей несокрушимой стальной мощью!

Раус прекрасно понимал, что если он не уничтожит танк, генерал Гёпнер лично сорвёт с него погоны, и это правильно, потому что планы всей дивизии вермахта трещали по швам из-за этого треклятого танка!

Война против этого русского танка превратилась в личную войну и вендетту полковника Рауса, уже выходила за всякие рамки и была похожа на какую-то чудовищную фантасмагорию.

Поэтому Раус вызвал к себе майора Шенка и приказал ему бросить против русских весь 65-й танковый батальон!

– Господин полковник! – удивился майор Шенк. – Но разве это возможно?! Чтобы целый батальон дрался с одним единственным танком! Это не по-рыцарски и не по правилам войны! У меня в батальоне до пятидесяти боевых машин, их всех бросить против одного танка?!

– Да, господин майор, – внезапно разозлился полковник Раус, – все до

единой бросить на этот русский танк! Более того, под прикрытием атаки вашего батальона мы скрытно подведём зенитное восьмидесятивосьмимиллиметровое орудие и в упор расстреляем русских! От вас, Шенк, зависит успех этой маленькой битвы, и забудьте в этой войне про какое-либо рыцарство, извольте исполнять!

Майор Шенк, коротко отдав армейское приветствие войск вермахта, удалился к своим танкистам подготавливать атаку на этого русского исполина.

Дневное солнце припекало, и над затихшим танком то и дело пролетали по своим неотложным делам лесные пичужки, показывая, что жизнь продолжается и, несмотря на любой исход этого боя, она будет продолжаться вновь и вновь, даря жителям Земли самое главное право – право на жизнь!

– Что, ребята, – раздался в танке голос командира, – не приуныли ли вы, как настроение?

– Боевое, командир, – за всех ответил лейтенант Ранцев, – били и будем бить врага! Даже мёртвые! Ничто нас не остановит! Наш дух не будет сломлен!

– Спасибо, родные вы мои, – коротко отозвался командир, незаметно стирая набежавшую слезу, – мы ещё повоюем!

– Командир, танки противника! – крикнул Василий. – Окружают!

Опушку леса заполонили танки «Панзер-35» из батальона майора Шенка, все пятьдесят, расползаясь по сторонам, они принялись расстреливать русский танк.

Башня советского КВ завертелась.

Находя попадающие на прицел юркие и вёрткие немецкие танки, Ранцев выкрикивал, поджигая оккупантов одного за другим: – Командир! А мы делаем их красиво!

Впрочем, силы были явно неравны.

В полном окружении и одиночестве русский танк дрался с целым немецким танковым батальоном!

В это время, по-предательски тихо и незаметно к нему подкрадывалось крупнокалиберное зенитное немецкое орудие.

Полковник Раус с высоты своего командного пункта наблюдал последний финал грандиозной битвы одного единственного танка против целого танкового батальона вермахта!

Как он и предполагал, в азарте уничтожения немецких «Панзер» русские не заметили зенитку, которая заняла ту же огневую позицию, где ранее находилась уничтоженная немецкая зенитная пушка.

Зенитное орудие произвело с близкого расстояния подряд семь выстрелов,

которые уверенно поразили несгибаемый советский танк.

Раус видел, что все выстрелы, выпущенные едва ли не в упор, достигли своей цели. Пушка КВ беспомощно поднялась вверх, словно прося у кого-то помощи, которая так и не пришла. Но даже мёртвый, танк продолжал стоять в центре дороги, блокируя её!

Полковник Раус с офицерами и солдатами подошёл к грозной машине русских, в башне которой были видны несколько небольших пробоин.

Вдруг башня КВ вздрогнула, и ствол орудия мёртвого танка стал двигаться! Солдаты и офицеры бросились врассыпную, лишь один солдат не растерялся и бросил гранату к пробоине, сделанной снарядом зенитки в нижней части башни. Прогремел взрыв такой силы, что даже крышка танкового люка отлетела в сторону.

Но едва солдаты вермахта попытались вновь приблизиться к героическому танку, как оттуда зазвучали выстрелы из командирского «ТТ».

– Огнемёты! – жёстко приказал полковник Раус. – Сжечь этот непокорный экипаж!

Отделение огнемётчиков привычно приступило к своей работе.

Русский танк полыхнул, горя как неприступная крепость, которую враг так и не смог покорить. Пламя плясало на башне КВ, разбрызгивая вокруг огненные брызги.

К погибающему танку в окружении свиты незаметно подошёл генерал-полковник Гёпнер и неодобрительно посмотрел на Рауса.

Но что это?

Раус недоверчиво переглянулся с Гёпнером и своими офицерами.

Что это?!!

Из горящего русского танка чуть слышно раздавались звуки песни, от которых шёл мороз по коже. Голоса умирающих советских воинов на одной тонкой, хриплой и одновременно пронзительной, надрывной волне рождали слова песни:

Наверх вы, товарищи, все по местам,

Последний парад наступает,

Врагу не сдаётся наш гордый Варяг,

Пощады никто не желает!

Полковник, бледнея, посмотрел по сторонам. Кто-то из его офицеров и солдат, крестясь, снял каски и головные уборы, кто-то из офицеров, не скрываясь, отдавал воинскую честь умирающему, но не сломленному экипажу русского танка!

– Это уже не война, – прошептал потрясённый полковник, злые слёзы бежали по его щекам.

Отдавая воинскую честь горящему танку вслед за Гёпнером, полковник Раус повторял: – Это уже не война, и если у России есть ещё такие же солдаты, война нами проиграна, даже не успев начаться!

Солнце, одинаковое для всех, ласково светило на погибший, но не сдавшийся экипаж бессмертного танка.

Солнце было сейчас, в сорок первом, но такое же именно солнце будет и в сорок пятом, в год Победы, который приблизил, пусть даже не увидев его, наш героический БЕССМЕРТНЫЙ ЭКИПАЖ!

ВЕЧНАЯ СЛАВА ПАВШИМ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ!!!

Пассат

Рассказ

Основан на реальных событиях

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!

Бессмертному подвигу флотского

экипажа СКР-22 «Пассат»

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Над морем Баренца дождливой неприступной стеной стоял густой туман.

– Ох, – выдохнул командир небольшого рыбацкого судёнышка, осторожно пробирающегося сквозь густой туман, – воистину, сам Бог нам в помощь с этим туманом!

Впрочем, каким-либо гражданским пароходом или теплоходом этот корабль можно было назвать с натяжкой. По виду, да, обычный рыбацкий траулер с бортовым номером «СКР-22» и стандартным для морского ветра названием «Пассат». Много таких кораблей бороздит по бескрайним морским просторам, добывая треску и прочую рыбёшку.

Правда вот, ощетинился траулер своим, хоть и слабеньким, но всё-таки вооружением: на носу и на корме корабля стояли, грозно поблёскивая, 45-миллиметровые пушки, за которыми находились два 7,62–миллиметровые пулемёта, что и выдавало в бывшем гражданском рыбацком траулере сторожевой корабль.

Да и время, скажем, было военное, потому что на календаре было именно 13 июля 1941 года. Вот поэтому-то и пробирался по шумевшему небольшой пенной волной Баренцеву морю сквозь ночной туман наш сторожевик, ведя под своей охраной два гражданских рыбацких траулера – «РТ-67» и «РТ-32» с понтонами на буксире.

Впрочем, вскоре ночной туман вместе с моросящим дождём исчез, словно бы его и не было, и на горизонте робко показалось раннее утро.

– Да, погодка поменялась, – подойдя к командиру «Пассата», старшему лейтенанту Окуневичу, изрёк простенькую истину командир БЧ-2 лейтенант Пивоваров, – как вы думаете, Владимир Лаврентьевич, проскочим незаметно?

– Проскочим, Анатолий Владимирович, – невозмутимо посмотрел на лейтенанта командир Окуневич, – обязательно проскочим!

В это время сторожевик со своим небольшим конвоем, к слову сказать, следовавший из Кольского залива в Иоканьгу, находился уже в районе острова Харлов.

– Командир! – прервал их короткий диалог комендор кормового орудия Моцель, – вражеский самолёт!

Действительно, над их конвоем на низкой высоте пролетел самолёт-разведчик люфтваффе.

– Ох, неспроста это, командир, – вздохнул комендор, – неспроста…

– Эх, Борис Никитович, не было печали, так немцы налетали! – грустно пошутил старший лейтенант Окуневич, посмотрев на Моцеля, и скомандовал:
– Моряки! Усилить наблюдение!

Да, неспроста летал этот самолёт-разведчик, неспроста…

Как знать было военморам, что именно этот разведчик и был придан к морскому отряду новейших немецких эсминцев кригсмарине типа «Редер» 6-й флотилии эскадренных миноносцев Германии в составе пяти боевых кораблей, которые производили поиск в данном районе с целью уничтожения советских морских конвоев и боевых кораблей противника.

Получив сообщение от своего воздушного разведчика «Юнкерс-88» об обнаруженном им морском конвое русских, командир немецких эсминцев типа «Редер» Альфред Шемель, находившийся на борту лидер-эсминца «Ганс Лоди» Z-16, обратился к экипажам своих кораблей: – Господа! Сама судьба нам посылает такие лёгкие цели, выходим на указанный курс! Ганс, после того как я дам небольшую взбучку этим русским рыбакам, с меня шнапс!

– Согласен, Альфред, – отозвался командир одного из эсминцев, – судя по всему, боя не будет, русские сдадутся, только увидев нас! На это я ставлю ящик бургундского!

С этими словами, словно разбойничья ватага, ищущая для себя лёгкой наживы, «Редеры», все пять, по-волчьи устремились к небольшому советскому морскому конвою. Альфред Шемель горделиво осмотрел свою маленькую эскадру: на каждом из пяти его эсминцев находились по 325 моряков, при этом каждый корабль был вооружён пятью 127-миллиметровыми морскими орудиями и двумя спаренными 37-миллиметровыми зенитками, 14 малокалиберными 20-миллиметровыми зенитками, не считая торпедных аппаратов и устройств для минозаграждения.

И такая армада против трёх жалких рыбацких судёнышков русских!

Шемель усмехнулся: – Да эти русские и минуты не продержатся, как попросят пощады и поднимут белый флаг!

Немец посмотрел на часы: около трёх утра, пора начинать.

Над Баренцевым морем лениво летали морские чайки, поющие свои однообразные печальные песни.

– Командир! – внимание Окуневича привлёк краснофлотец-радист Марьин. – Вражеские корабли!

– Вижу, Алексей Петрович, – нахмурился старший лейтенант, смотря на идущие к ним на всей скорости эсминцы противника, – вот они, на расстоянии 25 кабельтовых от нас!

– Передают, командир! – озабоченно посмотрел радист на старлея. – Нам передают, сдавайтесь, мол, деваться вам некуда, предлагают почётный плен!

– Знаешь что, – задумчиво нахмурился Окуневич, – и ты им передай…

– Что передать, командир, – спросил моряк, – что?

– А пошли-ка их куда подальше, Алексей Петрович, – усмехнулся старший лейтенант, – да по-нашему, по-морскому, позабористей! Чтобы, значит, сразу поняли, что не годится их предложение нам!

– Понял, командир, – ответно улыбнулся Марьин, – передаю…

– Ну и что отвечают? – улыбнулся командир корабля. – Как понравился гансикам наш ответ?

– Замолчала немчура, – презрительно усмехнулся радист, – видимо, поняли, что среди нас нет продажных шкур!

– Вот и хорошо, что поняли! – ответил Окуневич и попросил радиста: – Так, Лёша, радиограмму срочно в штаб флота! Докладывай обстановку и срочно запрашивай помощь!

Радист привычно исполнял свою работу.

– Так! – продолжал отдавать приказы командир русского сторожевика. – Передать нашим судам конвоя: немедленно укрыться в ближайшей бухте вплоть до того, чтобы выброситься на отмель! Я принимаю бой!

– Товарищ командир, Владимир Лаврентьевич, – посмотрел на него радист, – радиограмма из штаба флота!

– Что передают? – был краток командир.

– Как всегда, держитесь! – как-то печально улыбнулся моряк. – Помощь идёт, к нам направляются пять миноносцев и 24 самолёта!

– Поспеет ли помощь? – словно бы сам себя спросил командир и приказал: – Корабль, к бою! Поставить дымовую завесу! Полный вперёд на врага!

С этими словами командир вышел из рубки и, глядя на приближающиеся эсминцы противника, стал поторапливать своих морячков, готовя сторожевик к неизбежному и неравному бою.

Тем временам суда конвоя «РТ-67» и «РТ-32», воспользовавшись поставленной «Пассатом» дымовой защитой, стали на полном ходу идти к берегу.

– Огонь! – скомандовал командир немецкого лидер-эсминца «Ганс Лоди» Альфред Шемель, разгадав нехитрый манёвр русских. – Утопить эти рыбацкие лоханки!

Орудия и крупнокалиберные зенитки эсминцев кригсмарине «Редер» открыли беспощадный артиллерийский и зенитный огонь, расстреливая из всех своих калибров беззащитные корабли русских.

Море закипело от множества разящих осколков и пуль.

Но и русский сторожевик «Пассат», отважно идущий на корабли немцев, открыл огонь по врагу из всего, что имел: двух малокалиберных пушек и

двух пулемётов.

Но схватка была чересчур неравной!

Практически в полном вражеском окружении и одиночестве вчерашний советский «рыбак» дрался против пяти новейших эскадренных миноносцев врага!

На расстоянии менее 10 кабельтовых немецко-фашистские корабли беспощадно расстреляли «РТ-67», не успевший подойти к берегу, на добивание пустив в него торпеду. В то время как «РТ-32» успел-таки приткнуться к спасительному берегу бухты Гавриловская и спастись.

Спасая экипаж гибнущего «РТ-67», моряки которого на шлюпках отходили к берегу и пели «Интернационал» под огнём врага, героический сторожевик «Пассат» закрыл собой уничтожаемый экипаж русских рыбаков, принимая весь вражеский огонь на себя.

Огонь из всех пушек и зениток врага был страшен! Получив огромное количество прямых попаданий, отважный «Пассат», подобно «Варягу», стал медленно тонуть, погружаясь в холодные северные пучины Баренцева моря, отражая в воде, как в зеркале, пламя бушевавшего на корабле огромного огненного костра.

– Моряки! – возвысил голос командир, находясь с комендором носового орудия. – Не сдадимся врагу и не посрамим честь русского флота!

Неожиданно дружно, даже погибая, героический экипаж «Пассата», перебивая шум артиллерийской канонады, захлёстываемый подступающей забортной морской водой, запел «Интернационал», который сливался с этим же гимном, звучащим на шлюпках моряков экипажа «РТ-67».

Вода у погибающего и не сдающегося «Пассата» буквально пенилась и кипела от множества прямых попаданий вражеских орудий и зениток.

Но и принимая на себя весь удар эсминцев врага, горящий ярким пламенем несгибаемый сторожевик и не думал сдаваться!

Его носовая и кормовая пушки и пулемёты, объятые пламенем, били врага, даже когда их захлёстывала из всех пробоин холодная северная морская волна.

– Врёшь, не возьмёшь! – кричал комендор кормового орудия Моцель, отстреливая последние, пусть и малокалиберные снаряды по кораблям врага, не обращая внимания на морскую воду, заливавшую его горящие ноги. – Русские моряки не сдаются!

Немцы были потрясены подвигом советского сторожевика!

– Прекратить огонь! – приказал ошеломлённый командир 6-й флотилии эсминцев Альфред Шемель, незаметно стирая набежавшую слезу, смотря на уходящий под воду и развевающийся на гафеле русского корабля

непокорённый советский флаг, и видя, как на корме русского сторожевика, уходящего под воду, всё ещё жила, не желая умирать, и упрямо стреляла по ним последняя русская пушка. – Экипажам снять головные уборы!

Отдавая воинскую честь вместе с офицерами своих кораблей героическому флотскому экипажу русского сторожевика, командир эсминцев приказал пройти рядом с местом гибели советских моряков, осматривая море средствами наружного наблюдения, с тем, чтобы обнаружить уцелевших героев русского сторожевика.

Но только морские чайки в грустном одиночестве кружили над местом трагедии и бессмертного подвига и пели свои однообразные печальные песни.

Майор

Рассказ

Основан на реальных событиях

В одном оккупированном фашистами небольшом прифронтовом городке в немецком штабе служила неприметная девушка Оля.

Скажем так: практически всё местное население ненавидело её, считая изменницей Родины и приспособленкой.

Так-то оно конечно так, но не так.

Нет, совсем не так.

Была Оля партизанкой-разведчицей и добывала для своего отряда и советского командования бесценную информацию о планах врага, потому как была переводчицей, имевшей допуск к служебным материалам вражеского штаба.

В один из солнечных ясных дней Ольгу попросил поприсутствовать на допросе захваченного в плен советского офицера штурмбаннфюрер СС Ганс Шмульке.

Зайдя в комнату для допросов, девушка заметила в центре помещения носилки с тяжелораненым пленным офицером, судя по званию майором Красной Армии, на гимнастерке которого тускло отсвечивали боевые ордена.

Раненый тяжело дышал, сквозь его бинты сочилась кровь с гнойными выделениями, и было видно, что ему очень плохо.

– Фройляйн, переведите! – галантно обратился к переводчице гауптштурмфюрер СС Ганс Вайс, также принимавший участие в допросе пленного. – Просим представиться, назвать данные воинской части, командования и всё, что он может рассказать немецкому командованию!

Посмотрев на эсэсовца, девушка перевела и озвучила вопрос пленному

офицеру.

Но тот промолчал, даже не удостоив её взглядом.

Штурмбаннфюрер Шмульке глянул на русскую девушку.

– Так, переведите ему фройляйн, – важно произнес он, – что я уважаю офицеров противника, имеющих боевые награды и захваченных на поле боя!

Согласно кивнув головой, Ольга перевела речь немецкого офицера.

Но советский майор молчал.

В нетерпении Шмульке постучал рукой по столу, на котором тускло поблескивал автомат.

– Так, переведите ему, – горделиво посмотрел на пленного немецкий майор, подмигнув своему коллеге-капитану, – от имени немецкого командования и в обмен на сотрудничество я предлагаю поступить на службу великой Германии! Представьте, после войны жизнь в тихой и полусонной Европе, все блага жизни: баварское пиво и колбаски, голландский сыр и немецкая ветчина! Переведите, что это величайшая честь служить немецкой расе господ и обслуживать её, получая рейхсмарки!

Девушка перевела.

Но всё так же советский офицер молчал и лишь прерывисто и тяжело дышал.

– А! – догадался эсэсовец и, подняв телефонную трубку распорядился: – Доктора сюда, живо!

Пришедшему врачу Шмульке дал распоряжение немедленно поменять бинты и сделать обезболивающий укол пленному майору.

Немецкий военный врач исполнил указание своего начальства, после чего допрос продолжил гауптштурмфюрер Ганс Вайс.

– Вот видите, – с жаром убеждал он советского офицера, – мы не звери, и немецкое командование милосердно к вам! При этом мы не торопим вас с показаниями, достаточно просто назвать себя и подписать бумагу о сотрудничестве с Рейхом великой Германии!

Русский майор презрительно посмотрел на переводчицу и немецких офицеров, проводящих допрос.

– Скажи ему, нет! – внезапно прозвучал хриплый голос пленного офицера. – Я советский человек и Родину свою не предам!

Услышав переведенный ответ русского, штурмбаннфюрер Шмульке разгорячился.

– Так, переведите ему! – зло, как змея, прошипел эсэсовец. – Я уважаю его подвиг и мужество, но пусть он поймёт, что о его подвиге не узнает никто и никогда, и мы сделаем так, что все узнают о нем как об изменнике своей страны! Неужели он не понимает, как это практично и целесообразно служить фюреру великой Германии и получить от него бесценный дар – жизнь,

подобную сладкой конфете?!

Пленный майор посмотрел на Шмульке.

– Конфете, говоришь?! – в комнате раздался хриплый голос русского майора. – Переведи этому выкормышу фюрера, что советский офицер никогда не изменит своей Родине!

Желая смягчить перевод, Ольга немного изменила ответ пленного майора, переведя оскорбительное слово «выкормыш» как «воспитанник».

Услышав перевод, Ганс Шмульке буквально расцвел.

– О, да! – воскликнул он. – Не я один, а все мы, офицеры третьего Рейха, достойные воспитанники нашего фюрера! Итак, насколько я понял, он готов сотрудничать с нами?

И без перевода русский офицер понял все.

– Нет! – отрицательно мотнул головой он. – Я не буду служить вам никогда!

После чего пленный с интересом посмотрел на переводчицу, стоящую рядом с ним.

– Ну и за сколько сребрянников продалась, подстилка гитлеровская?! – с презрением спросил он у девушки и с омерзением плюнул в неё.

Как раскаленный металл ожег Ольгу оскорбительный плевок майора.

– Так он будет сотрудничать с нами? – мрачно спросил штурмбаннфюрер Шмульке и побагровел. – Переведите ему! Если он отказывается служить нам, то как он терпит немецкое лечение, оказанное ему из милосердия великой Германией?!

Услышав перевод, русский майор с остервенением стал срывать с себя бинты и повязки, несмотря на кровь, хлынувшую из ран.

– Не надо мне фашистского милосердия! – кричал он, сдирая с себя бинты. – Я не нуждаюсь в нём!

– Фу, как некультурно! Какие всё-таки эти русские грязные и неблагодарные свиньи! – поморщился Ганс Шмульке и, подойдя поближе, наклонился над пленным. – Если не передумаешь, я прикажу тебя расстрелять!

Ничего не ответил ему русский майор, а лишь презрительно плюнул прямо в лицо старшего эсэсовца.

Словно взбесившись, майор Шмульке и капитан Вайс в ярости стали избивать пленного ногами.

Во все стороны из тела истязуемого разбрызгивалась темная кровь и заливала дощатый пол немецкого штаба.

Советский разведчик, лейтенант Красной Армии, она же переводчик немецкого штаба Ольга Сергеевна Иванова побледнела: на её глазах два изверга истязали и убивали такого родного и близкого по духу, прекрасного советского Человека.

А она стояла, оцепенев от ужаса происходящего.

Дрогнув, она подошла к столу и потянулась к немецкому автомату, и в тот же момент увидела глаза советского майора.

Он смотрел на нее, умирая, и было видно, что он понял ВСЁ, абсолютно ВСЁ и отрицательно покачал головой, и ей показалось, что какое-то подобие улыбки промелькнуло на его измождённом лице.

«Кнопка»

Эссе

Я услышал этот рассказ от боевого старшины, прошедшего все фронтовые стёжки-дорожки Великой Отечественной войны.

Вот, что рассказал тогда наш старшина.

Это было под Ровно.

Была у нас в подразделении медицинская сестра Катя.

Маленькая такая, круглолицая.

Просто кнопка, рост – с корешок-вершок, вся такая миловидная из себя, рыженькая, и звали-то её с любовью за её росток – «Кнопка».

И не смотри, что махонькая какая, таких бугаёв с поля боя вытаскивала, при её-то комплекции, что просто диву даешься.

И хоть частенько ругали её командиры, и я грешным делом, за то, что в самое пекло лезла, бойцов спасая, так она, что, спрячется за командирский блиндаж, поревёт немного, для порядка, да и успокоится, и по-прежнему дело своё, значит, делает.

Видя, что лазает она где ни попадя, бойцов спасаючи, подарил ей гранату, так, на всякий случай.

Автомат предлагал, не взяла.

Большой, мол.

Так ведь и вправду, кнопка она и есть кнопка.

Брали как-то высоту, да захлебнулась атака.

Полроты под фашистскими «МГ-42» полегло тогда.

И командир раненый на поле боя остался.

Пока бойцы спохватились, глянь, а наша Катя уже там, на высотке, ротного на себе тащит, тяжелораненого, значит.

И вот в этот самый момент и случилась беда.

Подползли к ней пара немецких солдат, разведчиков, как понимаю, раненого застрелили, а медсестру нашу в плен поволокли.

Смотрю, а «Кнопка» привстала так, немца оттолкнув, и крикнуть только успела:

– Прощайте, товарищи!

И взрыв ахнул.

Пригодилась Катина граната, сослужив ей последнюю службу.

Знаешь, вся рота тогда поднялась в штыковую атаку, без команды, уж какие там пулеметы! И высоту взяли вмиг, и пленных не было, ни одного!

А потом «Кнопку» хоронили, все, кто остался.

Время прошло, а как сердце защемит, вспоминаю её, нашу фронтовую сестру, нашу Катю, «Кнопочку» нашу. И бывает так, что даже вижу её, когда уж совсем плошает. Думаешь, что умер человек, ан нет, живёхонек, и не только в памяти нашей! Так и Катя, живая она, радостная, светлая. Всё смотрит на меня, что-то говорит и улыбается.

Мост

Эссе

Произошла эта история в Белоруссии.

Дано было задание партизанскому отряду уничтожить мост через реку, ибо шибко важный мост тот был, почитай, стратегического назначения.

Штурмовали мост под утро всем отрядом и со всех направлений, предварительно сняв всех часовых.

Мост-то взяли и заминировав его, стали отходить, оставив на мосту отделение сапёров и разведчиков.

И что тут скажешь?

Очухались фрицы весьма быстро.

Канонада была, аж за тридевять земель слышно.

Самое время бы взрывать, ан нет!

Перебило где-то в нескольких местах бикфордов шнур.

Что ты сделаешь тут?!

И взрывчатка заложена, а мост не рвануть.

А фрицы-то не растерялись: поползли на мост их пятнистые «Пантеры».

Так и наши не промах.

Развернули наши разведчики вражеские длинноствольные зенитки и стали жечь танки те.

В это время пацанёнок наш, Вася Фролов, что при саперах состоял, незаметно так вниз к зарядам толовым полез.

Немчура вся на мост высыпала, караульная рота, почитай, не меньше.

Положили они наших всех, и тех, которые из зениток танки жгли, и группу сапёров, всех положили, до единого.

Только зря радовался враг, преждевременно.

Потому как добрался наш пацан до взрывчатки той, что ранее заложили, и рванул он мост, да так, что только обгорелые танки отлетали, с шипением погружаясь в холодные воды реки.

Такой вот он был, наш пацан Вася Фролов.

Настоящий парень, геройский, и более к этому добавить, пожалуй, нечего.

Монах

Эссе

Где-то в дальних вологодских лесах стоял одинокий монашеский скит, где обитал монах-отшельник Егорий.

Вёл хозяйство своё и на молитве стоял, творя её, святую, ежечасно.

И прибивались к нему раз за разом братия его - монахи, да странники-калики перехожие.

И вот напросился к нему как-то брат Андрей, посмотреть небольшую и небогатую келью его, да глянуть хоть глазком, да послушать скромную молитву, творимую Егорием.

Видя маловерие брата своего во Христе, соглашался брат Егорий на действо это, правда, просил затем ничего и никому не рассказывать.

Зайдя в небольшую каморку, Андрей с уважением покосился на неприметно висящий в уголке на вешалке военный китель с боевыми орденами и медалями, среди которых при свете свечей тускло поблёскивала Геройская Звездочка.

Встав посреди кельи, монах улыбнулся своему брату, когда тот спросил, что, мол, не зажечь ли ещё свечей, ибо темно.

– Подожди, – кротко светился своим ликом Егорий, – есть тот, кто воспламенит свечу. Не волнуйся ничуть – Ангел Божий соделает это.

С этими словами он погрузился в себя и стал творить святую молитву.

Спустя какое-то время Андрей заметил, что сама атмосфера в келье монаха стала меняться, словно в каком-то тумане засветились теплым матовым светом иконы на стенах.

И внезапно вспыхнули свечи.

Все.

Одновременно.

И в этот самый момент к своему изумлению заметил Андрей, что стены кельи стали исчезать и растворяться, и Небесный Свет залил все помещение.

И видел он в потрясении своем, как брат его Егорий воспарил, и изнутри его сиял неведомый свет, и какая-то божественная музыка наполняла келью своим звуком и запахом мяты, ладана и смирны.

Затем Светом стало ВСЁ, и даже он, видящий это Чудо. Счастье Абсолютной Любви охватило Андрея, и время, и пространство потеряли значение.

Впрочем, через некоторое время всё вернулось на круги своя: и время, и пространство.

Приходя в себя, Андрей слышал, как ласково гладил его по голове, приводя в себя, брат Егорий: – Ты только не сказывай об этом никому, ибо грешник я, и не достоин этого! А запомни одно: Бог Есть, и в Любви Его мы ВЕЧНЫ!

Тишина

Рассказ

Всем павшим при исполнении

служебных обязанностей на Кавказе

ПОСВЯЩАЕТСЯ

О, августейший август!

Ласковый ветер весело играл с зелёной травой, робко обнявшей суровые камни предгорий Кавказа. В высоком по-южному небе от божественного пения порхающих птиц становилось светлее. Подлетевшая и севшая на камень большая тёмно-синяя стрекоза отразила в своих томных, полных тихой неги огромных глазищах фигуру подошедшего человека.

– Какая красивая, – залюбовался гигантской стрекозой, маленьким аэропланом, испуганно взлетевшим при его приближении, старший лейтенант Муромцев, – у нас на севере таких нет… И, господи, тишина-то какая!

И то верно, потому что было так тихо, что даже слышно, как звенел ледяной

прохладой небольшой горный ручей поблизости.

Было лейтенанту на вид лет эдак тридцать. Светло-русая чёлка выбивалась из-под пилотки, весело блестели голубые глаза, словно показывая, что всё хорошо у него, старшего лейтенанта милиции Муромцева Ивана Борисовича.

И хотя в этот августовский вечер он был далеко от своей любимой Вологды, но о ней ему напомнил стрекотнувший коротким звонком спутниковый телефон, который он выпросил у подъехавшего на их блокпост земляка-вологжанина комбата Терещенко.

– Алло, алло, – отвечал на звонок молодой лейтенант, – как слышно?

Наконец-то трубка ожила, и в ней послышался встревоженный голос жены, родной далёкий голос.

– Ваня, ты где? Всё хорошо у тебя?

– Хорошо, – прокричал в трубку Муромцев, – забросили, правда, в командировку, в Кандалакшу, со связью тут не очень… Не расстраивайся, всё хорошо у меня… Дома-то как?

– Да всё хорошо у нас, – оживилась его жена, явно поверившая в его командировку в «Кандалакшу», – мать, правда, болеет, но ничего… Все ждём тебя…

Связь, коротко затрещав, прервалась.

- Алло, алло! – не унимался Иван, тряся телефон. – Вот, черти, не слышно ничего…

Одно, конечно, радовало, что жена не раскусила его маленькую военную хитрость и поверила в его мифическую командировку на север страны.

Ну не расстраивать же её, находящуюся уже на четвёртом месяце беременности!

К Муромцеву неслышно подошёл комбат Терещенко и взял у него телефон: – Связь здесь такая, успел хоть поговорить?

– Да, успел, – благодарно улыбнулся капитану старший лейтенант милиции, – спасибо тебе, Сергей.

– Не боишься снайперов, что лупануть по нам могут? – внезапно спросил его армеец. – Остерегаться, Ваня, надо, остерегаться!

– Тихо у нас, Сережа, спокойно, – посмотрел на комбата своими голубыми как ясное небо глазами Муромцев, – не командировка, а курорт!

– Ну ты сказанул, курорт! – пытливо глянул на милиционера Терещенко. – Говорю тебе, остерегаться надо, а то с этого курорта можно и не вернуться!

– Сам знаешь, за нами аул, дружественный нам, – заулыбался Иван, – его мы и прикрываем, как и эту дорогу, в свою очередь они помогают нам, всё на доверии. По вечерам с местными в футбол играем, хлеб, баранину от них получаем, короче, всё в ажуре: мы за них, они за нас.

Комбат с горечью покачал головой: – Не всё ты знаешь, Ваня, по свежим разведданным у нас в районе появилась банда Хасана, это до тысячи активных штыков… Не дай бог вздумают с твоим аулом за помощь федералам рассчитаться, не выдержите вы, на любой позиции не выдержите… Сам понимаешь, это не с местными красное винцо деркалить. И хотя наши вертушки охотятся за ним, но найти пока не могут, зелёнка, брат, понимаешь.

– Понимаю, – согласился с земляком старлей, – но если что, твои ребята помогут нам, правда?

– Правда, – подтвердил комбат Терещенко, – но до моего подразделения около сорока километров, если что, поспеем ли?!

– Успеете, – улыбнулся Иван, – должны успеть… У тебя ж там небольшая армия: и танки приданы, и БМ-21 «Град», да и десантники с мотопехотой чего стоят!

– Да, «Град» штука серьёзная, это тебе не мотопехота! – кивнул головой в знак согласия Терещенко. – Так ведь, Ваня, посуди сам: разведка у них не хуже нашей работает, и «чехи» на нас по определению не полезут… Впрочем, как земляк земляку, поможем милиции, и блокпост ваш прикроем! Вот что, у меня на борту БТР отделение солдат, принимай его… Правда, молодые, срочники, молоко ещё на губах не обсохло, совсем недавно от мамок… Ну да это ничего… Вернусь в расположение, в рамках единой дислокации я тебе роту Петрова с парой танков и «Градов» на усиление направлю. Годится такой расклад?

– А то! – с воодушевлением согласился с армейцем его земляк. – Спасибо, тебе, Сереж, за помощь, спасибо, что не делишь нас на своих и чужих…

– Одно дело исполняем, общее, – строго посмотрел на Муромцева комбат Терещенко, – а что касается спасибо, так ведь встретимся в Вологде, вот стакан мне и нальешь, и выпьем мы с тобой за наше боевое братство и содружество! Сам понимаешь, я не из таких, чтобы армию и милицию делить, одно дело делаем!

Ещё раз дружелюбно посмотрев на офицера милиции, капитан Терещенко, подойдя к своему БТРу, скомандовал молодым бойцам оставаться на охране блокпоста и поступить в распоряжение старшего лейтенанта Муромцева. После чего, сердито фыркнув двигателем, грозная машина, набирая скорость, громыхая всеми своими колёсами, отъехала от «крепости» Муромцева и вскоре скрылась на пылящей каменистой дороге.

Старший лейтенант Муромцев не без юмора оглядел приданое ему «войско».

Эх, срочники безусые! Дети ещё, годков по восемнадцать каждому! И за что же вас, ребята, на Кавказ?! Понятно, он – кадровый офицер милиции, у него дело добровольное и осмысленное – Родину защищать! Так ведь и в сорок первом страну отстояли такие же молодые и безусые солдаты. И вот сейчас они стояли перед ним – отделение совсем ещё юных созданий в громоздких, явно не по размеру, неподтянутых и не застёгнутых касках и бронежилетах,

за спиной которых топорщились старые автоматы Калашникова.

– Так! – посмотрел на свою «гвардию» старлей. – В вашем отделении старший кто?

– Я! – из строя выступил молодой белобрысый сержант. – Сержант Приходько, командир отделения!

– Слушай, сержант, – обратился к нему Муромцев, – размещай бойцов по точкам, вместе с моими милиционерами и со мной нас теперь двенадцать! Два неполных отделения! Рация-то хоть имеется, а то наша иногда глючит…

– Так точно, имеется, – лихо доложил сержант и выразительно щёлкнул по ларингофону армейской радиостанции, – в полной исправности, товарищ старший лейтенант!

Подошедшие к срочникам милиционеры знакомились с бойцами и совместно занимали заранее оборудованные боевые позиции.

– Эх, жаль бэтэра нет, – посокрушался Муромцев, посмотрев на сержанта-срочника, – у нас только УАЗик. Вот что, Приходько, остаёшься со мной с рацией связь поддерживать со своим командованием.

– Будет исполнено! – браво козырнул ему сержант и благодарно как-то посмотрел на своего нового командира.

– Вот и молодец, – улыбнулся ему старлей, – как звать-то тебя, сержант?

– Алексей, – робко представился Приходько, – маманя меня Лёшей звала…

– Ждёт, небось, мамка-то? – глянул на сержанта Муромцев. – Поди дни отсчитывает, как со службы вернёшься…

– Ну а как же, – согласился со своим начальником сержант, – мать она и есть мать… И меня, и всех наших дома матери ждут…

Внезапно их разговор был прерван мальцом Русланом, чернявым парнишкой-горцем из того самого аула, который они и охраняли.

– Дядя Иван, – обратился к нему запыхавшийся от бега мальчуган, – я с зелёнки бегу… банда Хасана там… огромная, не меньше тысячи боевиков… в наш аул идут… подслушал я их разговоры, говорят, что будут жечь и убивать за помощь русским!

– Спасибо тебе, Руслан, – тревожно посмотрел на юного горца милиционер, – беги в аул, пусть мужчины вооружаются чем могут, а старики, женщины и дети пусть уходят.

– Не успею я, дядя Иван, – едва не заплакал от бессильной злости мальчуган, – банда уже на подходе, а ваш блокпост её не удержит… Вас сметут, как сметает малую преграду разлившаяся полноводная горная река!

– Ты поспешай, однако, Руслан, – грустно улыбнулся старший лейтенант Муромцев, – мы не сдадим без боя ваш аул!

Ещё раз посмотрев на офицера милиции, мальчик заторопился в сторону

аула.

– Отделение, к бою! – скомандовал старлей. – Банда Хасана на подходе, а там тысяча боевиков, сержант, связь!

По радиостанции Муромцев сообщил комбату Терещенко о приближении врага и запросил помощь вертушек.

Черной грязной рекой, грозно текущей на блокпост, навалилась на них банда Хасана.

И лопнула тонкой гитарной струной так долго радовавшая всех тишина.

Горы ожили от вспыхнувшей канонады автоматных и пулемётных очередей.

Было очевидно, что максимум десять-пятнадцать минут, и их сомнут, и чёрная грязная селевая лавина боевиков Хасана двинется на аул и уничтожит его.

Появились первые раненые: зацепило несколько срочников и его милиционеров-вологжан. Лёгкое ранение от шквала пуль получили и старлей, и сержант Приходько.

– Где вертушки?! – едва ли не кричал, разрывая своим отчаянием радиоэфир, старший лейтенант Муромцев. – У меня половина личного состава ранены, сможете помочь нам?! Нам не удержать блокпост!

- Ваня, вертушки в другом квадрате, – по рации тревожно звучал голос комбата Терещенко, – разворачиваем их к вам, но не успеют они…

– А тогда, Серёжа, – задумался на секунду милиционер и сказал, чётко проговаривая слова, – у меня нет иного решения, как отправить свой личный состав из-под обстрела к тебе на УАЗе… а я… остаюсь здесь… буду драться до конца и сдерживать банду, пока твои гвардейцы не ударят по моему квадрату из всех своих градов… а там, может, и вертушки поспеют…

– Ты вызываешь огонь на себя, Иван, – изумлённо и горестно выдохнул комбат, – не делай так, земеля… бросай всё и уезжай на машине со всеми, и я через пять-десять минут перепашу твой квадрат своими «Градами»…

– Не получится, Серёжа, – просто ответил старлей, – если я уйду, кто подарит аулу эти минуты?! А там женщины, старики, дети… земля наша… Родина то есть, яснее и проще говоря…

– Что, один остаёшься?! – хрипло переспрашивал его комбат. – У тебя кроме твоих отделение срочников!

– Мамы их ждут дома, Серёжа, – коротко выдохнул милиционер, – пусть дождутся своих безусых пацанов… А ты будешь в Вологде… к моим зайди… скажи, что не мог я иначе… и передай им, что люблю их всех очень и прошу понять и простить… А за меня, Серёжа, ты выпей… потом… Обязательно… выпей… Прощай, комбат…

– Прощай, Ваня, – потрясённо прошептал капитан, – и прости, что не смог…

Переходя от одного автомата к другому, старший лейтенант сдерживал натиск наступающего врага, смотря, как скрылся на горном серпантине его УАЗ, увозя всё его израненное войско и надежду на завтра, которое не наступит для него уже никогда.

Рубашка милиционера была уже не синей, а красной, как боевой стяг, от множества ранений, поразивших старшего лейтенанта.

Муромцев в последний раз посмотрел на синие-синие горы, словно курящие белыми облаками, и совсем близкий аул, и печально как-то улыбнулся…

У нескольких грозно поблёскивавших на заходящем солнце боевых машинах реактивной артиллерии «Град» стоял комбат Терещенко.

По его щекам текли слёзы, и прежде чем отдать команду, он на секунду задумался, и коротко скомандовал: – По квадрату блокпост!

И замер по стойке смирно в отдании воинской чести своему воину-земляку: – За Ивана Муромцева, за Родину – огонь!!!

Оглушительно рявкнули в своей боевой мощи грозные «Грады», неся смерть и разрушение так и не взятому бандой Хасана блокпосту, разрывая на мелкие клочки подошедших к милицейской крепости бандитов.

И едва замолчали «Грады», в дело вступили всеми своими ракетами и пушками подлетевшие боевые вертолёты.

А потом наступила тишина.

Постовой

Рассказ

Сотрудникам
патрульно-постовой службы,
павшим при исполнении
служебных обязанностей
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Одиноко маячила на перекрёстке фигура усталого человека.

И хотя в этот тёплый июльский вечер время дежурства у сержанта милиции Иванова подходило к концу, всё равно ему было как-то неуютно и тоскливо. Сержант, не торопясь, посмотрел на часы: ещё немного, и его очередная патрульно-постовая смена позади. Дома ждала ласковая жена Любаша, да

трое ангелочков-сынишек, мал-мала меньше.

Внезапно ожила и угрожающе зашипела его переносная радиостанция, из динамика которой послышался голос дежурного по райотделу: – Двенадцатый, двенадцатый, на связь! Серёжа, Иванов, ответь!

Привычным движением милиционер щёлкнул манипулятором радиостанции: – Да, на приёме двенадцатый!

– Сергей! – Иванов услышал знакомый голос лейтенанта Кравцова. – У ресторана «Надежда» пьяная буча, алкашня нормальным людям мешает отдыхать, хулиганят! Автопатрули я подтягиваю, но не успеют они, Серёжа… Ты поблизости, помоги людям, пожалуйста!

– Вас понял, исполняю, - привычно ответил постовой и грустно улыбнулся, – да, не было печали…

И хотя время его дежурства практически подошло к концу, сержант заторопился к увеселительному заведению, где и в самом деле гуляющей в ресторане свадьбе мешали отдыхать и приставали местные пьяные гопники, шпана, если кто не понял. Прибыв на место происшествия, благо оно было недалеко, сержант содрогнулся: у ресторана при свете редких тусклых уличных фонарей разыгралась целая баталия, драка, если проще говоря. Было видно, как на вышедших из ресторана подышать чистым воздухом жениха и невесту, которая явно была в положении, и их близких напала местная шпана. Так бывает, слово за слово, первый удар, и вот она – первая кровь пролилась.

Но сейчас, а это сержант видел чётко, преступники избивали не только жениха и его близких, но даже невесту. Подбегая к месту происшествия, сержант Иванов увидел, как местный буян-хулиган Петухов в пьяной удали саданул ногой прямо в живот беременной невесте, облачённой в белоснежное платье, которая, охнув от его удара, плавно и медленно опустилась на асфальт.

Лихо влетев в кучу дерущихся, первым делом сержант разнял разбушевавшихся людей и пристегнул бандюгу Петухова наручниками к себе.

И вовремя: потому что преступник пытался ударить невесту чем-то блеснувшим в его руке. В ту же секунду сержант почувствовал острую резкую боль в боку и успел увидеть, как в руке у Петухова мелькнул выкидной нож. Умелым движением сержант выбил у преступника его оружие.

Как-то сразу из его раны по светло-синей милицейской рубашке тонким ручейком потекла кровь.

Такая красная-красная.

Чтоб не тревожить окружающих, сержант прикрыл рукой свою рану. После чего попросил унести невесту, до сих пор не пришедшую в себя, в ресторан, и вызвать «Скорую помощь».

Двери ресторана широко раскрылись, оттуда выскочила разъярённая толпа

пьяных гостей свадьбы. С воплями «Наших бьют!» они подскочили к сержанту и, не видя даже его раны, а видя, что из злодеев на месте преступления остался только один, тот, что был скован с сержантом браслетами наручников, толпа захмелевших людей требовала милиционера немедленно отдать им на расправу нелюдя, посмевшего ударить невесту.

– Спаси меня! – загнусавил в хмельном плаче протрезвевший вмиг бандюган. – Не отдавай меня им!

Потные, пахнущие алкоголем и дышащие злобой люди, стеной обступили сержанта, не замечая, как кровь с его рубашки стекала уже на асфальт. Пытались бить и плевать в преступника.

Правда вот, их удары и плевки почему-то доставались бедному сержанту, но что поделаешь, есть такой долг у милиции – Родине служить!

Почувствовав, что у него плавно начинает отключаться сознание, сержант рванул из кармана своё спецсредство – десятую «Черёмуху», круговым движением создал облако слезоточивого газа вокруг себя и крикнул, теряя силы: – Всем назад!

Толпа дрогнула.

– Назад, я сказал! – едва ли не плакал в отчаянии постовой сержант. – Люди ли вы?!

Вконец озверевшие люди отступили.

Победной музыкой послышались звуки милицейских сирен, и к месту происшествия подскочили четыре патрульных УАЗА. На троих красовалась надпись «Патрульно-постовая служба милиции», на четвёртом грозно блестело «ОМОН». Вслед за ними с включёнными маячками и сиреной подъехала «Скорая помощь».

Только сейчас толпа заметила кровь на работнике милиции и стыдливо замолчала.

Упавшего на руки своих товарищей и потерявшего сознание сержанта Иванова положили в «Скорую», где на него с тихой любовью и каким-то сожалением, роняя слёзы на пол машины, смотрела спасённая им невеста, ласково поглаживая рукой не рождённого ещё человека.

Пристав

Рассказ

Не светило солнышко через зарешечённые окна мирового суда, что в городе Копейске Вологодской области. Вздохнув, судебный пристав Ваняткин разочарованно отошёл от окна: ну не желает светило заглянуть к ним в гости

и обходит их стороной! Что ж тут поделать. Да и должность у Ваняткина Ивана Сергеевича, сорока лет от роду, была не просто пристав, а аж целый судебный пристав по обеспечению установленного порядка деятельности судов УФССП по Вологодской области. С утра от домашних хлопот и болезни сынишки болела у Ивана Сергеевича голова, то одно, то другое. Читатель поймёт, что не просто, ой как не просто быть приставом в наш суматошный двадцать первый век!

Впрочем, жаловаться Ваняткину особо было не на что, жизнь текла и, как говорят, била ключом, и иногда даже по голове. На слушание по бракоразводному процессу подтягивались его первые участники: вечно обиженная своим мужем-пьяницей и драчуном разбитная девка Ирка Клевакина, пришедшая зачем-то со своими маленькими детьми и несколькими своими подругами в качестве боевого подкрепления. Чуть позже подошёл и сам Васька Клевакин с какой-то опухшей от постоянной пьянки физиономией, на которой выделялись хитро и блудливо бегающие серые глазки.

Пристав Ваняткин мысленно вздохнул: «Вот и ещё один рабочий день наступил, такой же серый и унылый, как и все предыдущие».

Из своего кабинета выглянул мировой судья Стафеев и приветливо глянул на Ваняткина: – Приглашайте, Иван Сергеевич, на слушание дела супругов Клевакиных.

Кивнув головой в знак согласия судье, дисциплинированный пристав пригласил в судебный зал заседаний разводящихся супругов Клевакиных. В зал прошли Клевакина с детьми и своими свидетелями-подругами, а также грозно улыбающийся пьяница Васька Клевакин, после чего двери зала заседаний плавно закрылись за вошедшими. Пристав Ваняткин сел за свой рабочий стол, что находился неподалёку от входных дверей в здание суда, и полностью ушёл в грустные думы. Да, дел невпроворот, доставляли беспокойство болезнь сына, извечная нехватка денег вследствие маленькой зарплаты и невозможности подрабатывать, да и кредит висел на нём, точно дамоклов меч, и не успокаивалась пилящая его день и ночь стервоза-жена. Короче, всё было как у всех, хоть и понятно, что у кого-то лучше, а у кого-то наоборот. К тому же его начальник по работе требовал с него, с Ваняткина показатели и протокола на нарушителей, а какие у него могут быть показатели и протокола, чай не патрульно-постовая служба! Пристав презрительно усмехнулся и задумался.

Внезапно внимание Ваняткина привлёк какой-то гул и шум, доносившиеся из зала заседаний. Так и есть, опять этот Васька Клевакин номера откалывает! А ведь был мужик ничего: и непьющий, и работящий, одно слово – перворазрядник-боксёр. Его наш пристав помнил ещё по горячей точке, когда вместе служили, хоть и в разных, но в десантных подразделениях доблестной Армии. Был такой период в жизни и у нашего героя. Правда вот, потом женился десантник Клевакин, дети пошли, казалось бы, живи да радуйся, но нет! Попалась Ваську жёнка в тыщи раз хуже его Зинки – и пилила, и низводила мужика так, что он и подсел в итоге на стакан. А мог бы и не

подсесть, если любила бы его Ирина, правда вот, где она, любовь-то?! В зале продолжали шуметь. Из открывшихся дверей зала выглянул раскрасневшийся судья Стафеев: – Иван Сергеевич! Угомоните хоть вы этого хулигана Клевакина!

Пристав вместе с судьёй зашёл в зал суда.

Это надо было видеть: на судейском столе, грозно притоптывая ногами, стоял не протрезвевший ещё буян Васька Клевакин и кричал жене: – Ты послушай, я же любил тебя, и как ты смогла сделать из меня чудовище, законченного и не просыхающего алкаша?! Пилишь, пилишь: «работы нет у нищеброда», а тебе интересно, что нищеброда сократили на работе и выкинули на улицу?! Тебе интересно, что я стал такой вечно пьяной мразью из-за тебя?! А ведь когда-то…

По грязным и небритым щекам Васьки Клевакина текли гневные слёзы боли и отчаяния.

Выдохнув коротко: – Да пропадите вы все! – Клевакин дрожащими руками достал из кармана ручную гранату и, зло выдернув чеку, бросил её на пол в аккурат на середину зала суда.

В зале повисла изумлённая в своём ужасе тишина.

Словно бы решив для себя что-то очень важное, посмотрев перед этим на детей Клевакиных, пристав Ваняткин оттолкнул в сторону опешившего судью, бросился на гранату и закрыл её своим телом.

Ахнул гулкий взрыв.

Тело Ваняткина вздрогнуло: казалось бы воспарило к небу, но тут же, повинуясь законам гравитации, опустилось на пол, заливая его кровью.

Испуганно и тревожно заплакали дети, словно бы проснувшись от какого-то дурманящего сна заверещали бабы.

Солнышко, обходящее их судебный участок, заглянуло-таки в зал суда, одаряя его и светом, и теплом своей любви.

Ангелы улиц

Новелла

Ангелам во плоти

ПОСВЯЩАЕТСЯ

А медалей «За отвагу» у лейтенанта Славина было целых три.

Был еще орден, вернее два – «Красной Звезды» и «Боевого Красного

Знамени», правда, не любил наш лейтенант красоваться своими наградами, впрочем, как и многие настоящие бывалые фронтовики.

Ибо, как учил их комбат, которого уважительно за возраст, и не только, звали «Батей», что, мол, снайпера любят то, что блестит, да на солнышке играет.

И надо сказать, что прав был «Батя» как никогда, и ему, командиру второго пехотного взвода гвардии лейтенанту Вячеславу Ивановичу Славину это объяснять уже не надо.

Хотя, скажем так, по молодости своей и горячности удалецкой пулям Вячеслав не особо кланялся, и поэтому частенько комбат поругивал его за это.

Вот и сейчас лейтенант Славин стоял перед комбатом и виновато посматривал на майора, «песочившего» его в очередной раз.

Дверь в штабную комнату была плотно прикрыта и занавешана плащ-палаткой, поэтому даже при всем желании разговор их подслушать никто не мог.

– Это ты того, не геройствуй тут мне! – сердито, по-отечески выговаривал Славину пожилой майор. – Что давеча учудил, а?! Сам на дзот с гранатой полез! У тебя, что, подчиненных нет?!

Славин грустно покачал головой, словно бы соглашаясь во всем с комбатом.

– Так ведь… – неожиданно улыбнулся лейтенант, – пополнение у меня все молодое и не обстрелянное… Кого послать на убой-то, пацанву эту зеленую?! И сами погибнут и дела не сделают…

– Ты мне это брось, свою философию втирать! – грозно посмотрел на него комбат. – Давно я с тобой, чертеняка, привык… Да и в Берлин вступили, май сорок пятого на дворе! Соседи-то уже рейхстаг штурмуют! До победы полшага, не боишься погибнуть в самый-то конец войны, а?!

Молодой лейтенант посмотрел на комбата, и улыбка, немного неуместная для подобного случая, появилась на его лице.

– Нет, Петр Сергеевич, не боюсь! – лихо, по-молодецки так, глянул на майора Славин. – Я заговоренный! Вот недавно цыганка мне нагадала и всем бойцам моим, что мы, как ангелы улиц, а ангелы разве погибают?! Помните, товарищ майор, это когда мы концлагерь освобождали… много там узников было: русских, поляков, евреев… вот и цыганочка эта там была… Ужасов там насмотрелись, страсть! Да, страшная сила – война, и будь проклят тот, кто захочет ее повторить!

– Ангелы…– с недоверием посмотрел на Славина комбат. – Ангелы, чай, на небе, а не на земле обитают…

Хотя, если наш советский солдат и ангел, то ангел он фронтовых стёжек-дорожек на освобожденной нами земле!

Комбат Селиверстов на секунду задумался, затем серьезно посмотрел на

молодого офицера.

– Дома-то как дела? – спросил он. – Пишут хоть?

– Ну а как же! – улыбнулся Славин. – Вот на днях почта была от жены, все хорошо у них, сынок Колька подрастает…

Где-то поблизости ахнул минометный взрыв, и с потолка посыпалась облезшая побелка.

– Стреляют, черти, – беззлобно чертыхнулся комбат и продолжил, – к чему это я все говорю, Вячеслав Иванович, а к тому, что война кончается, ты уж побереги себя, не геройствуй понапрасну… Помни, что тебя жинка с малым дитем дожидается…

– Все будет хорошо, – заверил майора Славин и, кратко отчитавшись перед своим начальником об оперативной обстановке на вверенном ему участке фронта, привычно козырнул и вышел из служебного помещения.

Торопился лейтенант на свою боевую позицию: как же, зеленая пацанва ожидала его.

Прибыв на место и приняв устный рапорт от заместителя командира взвода, что, мол, все нормально, Славин облегченно вздохнул.

Перед его глазами была всё та же берлинская площадь с размещённой по центру большой скульптурой ангела и стоящими поблизости несколькими полуразрушенными старыми домами.

Внезапно внимание лейтенанта было привлечено молодой немецкой женщиной с маленьким ребёнком на руках, которая вступила на площадь и, боязливо озираясь, шла в их направлении.

И не успел Вячеслав Иванович даже подумать, насколько опасно всё это для незнакомой ему немки, как из окна дома, размещённого на противоположной стороне площади, гулко ударил и заговорил пулемёт.

Басовито набирая обороты, подобно циркулярной пиле, немецкий МГ-42 прошёлся длинной очередью по всей площади, настигая безжалостным огнём женщину с ребёнком. Покачнувшись от нестерпимой боли, женщина осела на колени, и, умирая, из последних сил бережно положила на берлинский асфальт ребёнка.

Одним взглядом Славин осёк своих бойцов, попытавшихся выскочить из укрытия и броситься на помощь крохе. Приказав подчинённым прикрыть его огнём из всех стволов, наш лейтенант, петляя под огнём немецкого пулемёта, приближался к плачущему ребёнку – маленькой немецкой девочке. Подбежав к ней и схватив её в охапку, геройский комвзвода изо всех сил бросился назад.

И их укрытие было так близко, так желанно!

Проскрипев в последний раз, в звериной ярости немецкий пулемет хлестнул раскаленной очередью по спине бегущего лейтенанта, и это было последнее,

что успел в своей жизни пулеметчик – гауптштурмфюрер СС Ганс Вайс, ибо появившийся на площади советский танк Т-34 первым же метким выстрелом подавил огневую точку противника.

Плавно опускаясь на землю, советский офицер успел передать невредимую девчушку в руки подбежавших бойцов, и, уже умирая, гвардии лейтенант Славин услышал ликующую канонаду от рейхстага, и последнее, что он видел, это победные ракеты, воспарившие в небе над побежденным Берлином.

Затем свет померк в его глазах, и он умер. В то же время, словно бы по мановению чьей-то волшебной руки, яркий Свет осиял над ним, и ему явился Ангел Божий, раскрывший свои огромные белоснежные крылья, просиявшие в Радуге Неба. Наклонившись над Славиным, Божий Посланник легко поставил его на ноги и поцеловал переходящего в Вечность Героя.

– Кто ты? – робко спросил Небесного Посланника лейтенант, наверняка зная ответ. – И почему ты пришел ко мне?

В глазах Ангела ласковым светом сиял Огонь Вечной Любви.

– Я – Михаил, Ангел Божий, – медовыми колокольчиками прозвучал ангельский голос, и шум ветра, и Глас какой-то трубный послышался в нём, – и Сам Господь послал меня к тебе, ибо нет выше жертвы, которую явил ты! Знай же: на Небе все радуются подвигу твоему!

И в тот же миг лейтенант Славин был в раю, но, как говорится, это уже другая история, ибо небесная награда нашла своего героя.

А теперь, друзья, давайте перенесемся в наше время и посетим славный праздник 9 мая 2017 года в маленьком городке Приреченск, что расположен на самом севере студеной Вологодской области, и заодно познакомимся с нашим героем: командиром взвода патрульно-постовой службы полиции лейтенантом Вячеславом Николаевичем Славиным.

Да, правильно догадался наш читатель, что Вячеслав Николаевич и есть внук того самого, героически погибшего в мае сорок пятого при освобождении Берлина лейтенанта Славина, и в честь деда названного Вячеславом.

Просто интересно автору и, надеюсь, нашему уважаемому читателю узнать судьбу не только деда-фронтовика, но и его внука, живущего в современной России.

Итак, приняв участие в параде в честь Дня Победы и само собой в «Бессмертном Полку», уже на городском кладбище, где планировалась официальная церемония Памяти всех павших за освобождение Родины, наш лейтенант повстречал старого знакомого Кольку Иванова, по слухам здорово поднявшегося в материальном плане в последнее время. Действительно, людская молва не обманула никого, ибо был его бывший друган–одноклассник и депутатом, и крупным предпринимателем. А раз так,

обнявшись тепло и по-дружески, наши друзья проследовали на кладбище.

Заметив у памятника Героям рыжего, бомжеватого вида пожилого мужчину, сидевшего на земле со страдальчески протянутой рукой, лейтенант Славин, не выдержав, подошел к нему и вложил ему в руку несколько смятых бумажек Банка России. Увидев щедрое пожертвование, мужичок сей радостно ощерился, показав редкие гнилые зубы: – Да возблагодарит тебя бог за жертву твою! Спасибо, земеля… Будет возможность, и я отблагодарю тебя… как смогу…

Николай Иванов скептически смотрел на Славина и на бомжика, изливающегося в похвальбе.

– Знаешь, что, – неожиданно сказал предприниматель и депутат, обращаясь к своему однокласснику, – зря ты ему деньги дал! Ведь известно, не делай добра и не получишь зла!

– Ну-у, – опешил Славин, – на хлеб ему дал, видно, что нелёгкая судьба у человека, жаль мне его!

Предприниматель Иванов не без иронии глянул на друга.

-Эх, – с лёгкой тенью ехидства и сарказма улыбнулся Иванов, – пропьет он твои деньги! Да и кому этим сделаешь лучше?!

При этих словах бомжик, а это и был Агафрен Иванович Гудыма, понимающе улыбнулся: «Конечно пропью, на хлеб что ли тратить?! Вот приду домой и напьюсь, ой как напьюсь, тем паче, праздник-то какой!»

Но мыслей этих наши друзья естественно не узнали, поэтому далее все разошлись по своим делам: Славин с Ивановым прошествовали к центральному памятнику, где собрался едва ли не весь город, а Агафрен Гудыма, хитромудро усмехнувшись, поспешил к заветному ларьку, где его ждали так желанные ему флакончики с боярышником и одеколоном.

После памятного митинга Славин и Иванов вышли вместе с народом с территории кладбища и пошли домой. Пройдя немного и лукаво улыбнувшись, Николай остановил Вячеслава.

– Стой! – дружески приподнял руку Иванов. – Пешком не пойдем!

С этими словами он подвёл его к стоящему на обочине дороги и сверкающему на солнце новенькому автомобилю.

– Ого! – присвистнул лейтенант, разглядывая заморское чудо. – Это что же за машинка-то такая?! У нас таких в городке нет!

– Майбах это! – горделиво ответил Иванов. – Сам понимаешь, не вшивые Жигули! Садись давай, на настоящей машине покатаю!

С этими словами друзья заняли места в чуде иностранного автомобилестроения и, не торопясь, отъехали от городского кладбища.

В это же самое время радостный и довольный Агафрен Гудыма, закупившись «фанфуриками» боярышника и одеколона, поспешал домой. Придя к себе, Агафрен Иванович первым делом включил телевизор, а затем, сев за стол перед голубым оком экрана, ловким движением руки откупорил столь желанный для него «фанфурик». Опасаться было некого, да и нечего, потому и блаженствовал и сибитарил в своей квартире на пятом этаже стандартной пятиэтажной «хрущовки» наш мужичок абсолютно один, ибо женушка, перезаняв где-то деньжат, укатила в первопрестольную, чтобы поклониться мощам очередного святого, привезенного в Россию.

Ведь понятно же, что жизнь это не прямая линия с Президентом, который один запросто осчастливливал всех везунчиков, дозвонившихся до него! Здесь, как понимал Агафрен, посерьезнее штука будет, ибо даже Президент не ровня святому, которому, по крайней мере, можно было верить и надеяться на него.

Ибо верно сказано, что по вере вашей и дано будет вам. Впрочем, Гудыма скептически относился ко всему, поскольку считал себя умудренным и битым жизнью человеком. Хотя сейчас он был просто счастлив и горд тем, что занимался своим любим делом: погружением в алкогольную нирвану, когда растворялись и забывались все беды и невзгоды, и сама жизнь становилась лёгкой и безоблачной.

Откуда-то от соседей послышался страшный хрип и тяжёлый кашель задыхающегося ребёнка.

Гудыма сочувственно прислушался к хрипам и стонам умирающей крохи-девчушки из соседней квартиры.

– Мучается ребенок-то, - сокрушённо подумал Агафрен Иванович, и скупая мужская слеза покатилась по его небритой щеке, – вот до чего довели страну, ироды! Ну почему нет добрых людей, исцеливших бы её и давших крохе на лечение?! Хотя, понятно, Россия большая, на всех не хватит…

Желая приглушить внезапно налетевшие на него тоску и уныние, Агафрен сделал звук телевизора погромче и залпом выпил очередной «фанфурик».

На голубом глазу телевизора то и дело мелькали детали отснятого телевизионщиками празднования Дня Победы в России, затем в новостях, под непрекращающийся хрип и кашель из-за соседней стенки, столичный диктор бравурным голосом талдычил, сколько миллиардов прощено очередным братским странам-должникам, и как всё-таки здорово жить в современной России, вставшей с колен!

Под праздничный грохот бравурной музыки телевизор внушал распалившемуся мозгу мужичка, что, да, и за ценой не постоим, и если надо повторим, и в Берлине будем!

Агафрен, криво улыбнувшись, открыл флакон одеколона и одним махом осушил его.

Эх, хорошо сидим!

Гуляй, рванина!

Хрип и надрывный кашель как-то внезапно прекратились.

Прошло какое-то время, где-то внизу, отключив воющую как зверь сирену, скрипнула изношенной подвеской «Скорая помощь». Затем еще какое-то время было тихо. После чего в дверь позвонили.

Пошатываясь от принятой дозы алкогольного дурмана, Гудыма открыл дверь и увидел заплаканную соседку.

Комкая в руках черный платок, женщина как-то грустно и виновато посмотрела на него: – Всё… Отмучилась моя Ириша, умерла… Царствие ей небесное, ангелочку моему! Так и не дожила до прямой линии Президента! А она так верила в неё! Слышь, Иваныч, деньги всем миром собрать надо, проводить по-людски… Сам понимаешь, что даже на похороны в этой проклятущей жизни денег нет! Знаешь, что не работаю я, а Ирин отец давно уже спился и умер… Пыталась я лечить дочурку, ты же знаешь, да денег на операцию всё не было… Обращалась к чиновникам, а те что?! Баяли в ответ, что двери поплотнее закрывай, чтобы людей стонами умирающей не беспокоить… улыбались так: молись, мол, постоянно молись, да к мощам чудотворным припади… А где они деньги, на мощи-то?! Ну что, сосед, сможешь подсобить в беде моей?

В глазах женщины чернела мгла полнейшей безнадёги и отчаяния.

Агафрен Иванович сокрушенно покачал головой.

– Эх, соседушка, – с огорчением посмотрел он на неё, – были бы деньги, помог бы… но не работаю я, а на пенсию мою кот удавится… да и работы в нашем городе нет, так что извиняй меня по немочи моей…

С этими словами он тихо закрыл дверь и, вернувшись в комнату, продолжил свое застолье.

В это же время в соседней пятиэтажной «хрущовке», за наскоро накрытым в квартире лейтенанта Славина небогатым праздничным столом сидел сам Вячеслав Славин и его однокашник Николай Иванов. Отмечали праздник вдвоем, ибо Иванов прибыл из первопрестольной на побывку в родной город один, а жена Славина с их малолетним ребёнком гостевала у своей мамани.

Шикарный «Майбах» предпринимателя и депутата был припаркован у дома, у цветущих яблонь, поблизости с детской площадкой.

И к этому моменту всё уже знал об однокашнике наш лейтенант: что и депутат, и предприниматель он весьма богатый, как говорят: владелец заводов, газет, пароходов.

В двухкомнатной квартире Славина работал телевизор, показывая картинки праздничного дня: вот к большой церкви подъезжают на дорогущих немецких машинах Президент и Патриарх, кротко и жеманно улыбаясь под сверканием фальшивых солнц фотовспышек. А вот нескончаемая очередь к святым

мощам в этот же храм, далее телевизор показывает нескончаемые колонны «Бессмертного полка» и военный парад в различных городах.

– Ну, – махнув рукой на телевизор, произнес Николай Иванов, – хоть у тебя, друган, стол и попроще, чем у меня в Москве, давай по-нашему, по-русски, накатим водочки в День Победы! С праздником тебя, с Днём Великой Победы! И спасибо павшим за нас и нашу Родину!

С этими словами одноклассники, звонко соприкоснувшись рюмками с водкой, залили сей драгоценный продукт в себя. Произнося второй тост, Славин выразительно посмотрел на портрет своего деда-фронтовика, размещенного в центре книжной полки, и с уважением произнес: – За тебя, деда! За нашу Победу!

И выпил содержимое рюмки до дна, его гость поддержал тост, после чего полицейский глянул на Иванова.

– Знаешь, – стал рассказывать Славин, – дед-то мой при освобождении Берлина погиб… Представляли его на Геройскую Звездочку, впрочем, безуспешно… Такой вот дед у меня был – геройский! Эх, при жизни на таких вот молиться надо… на настоящих и живых!

После этого все встали, произнося третий праздничный тост в честь павших.

Выпив, Славин и Иванов радостно переглянулись. Да, праздник удался!

Распив в итоге бутылочку «Путинки» под лёгкую закусочку, наскоро приготовленную лейтенантом Славиным, мужички довольно улыбались.

– Ох, хорошо сидим, – блаженно улыбнулся как довольный котяра предприниматель и депутат Николай Иванов, – вот хотел давно с тобой, друган, поговорить… Вот ты умный такой, честный, да и в школе завсегда отличником был… И на кой ляд в эту полицию пошел? Зарплаты у вас, как я знаю, нищенские, как говорится, кот наплакал, а парень ты башковитый: шёл бы в предприниматели!

Славин понимающе улыбнулся в ответ и отрицательно покачал головой.

– Не моё это, – как-то задушевно и кротко сказал он, – призвание мое – за людей стоять и Россию-матушку!

По телевизору вновь показывали огромную очередь, поклоняющуюся мощам.

Предприниматель недобро как-то улыбнулся, смотря на экран телевизора.

– Интересно, – произнес богач, – а знают ли они хоть, кому поклоняются, слабые и заблудшие люди века сего?! Уж не накликали бы бурю, как гнев божий! Думаю я, что нет у них веры во власть и, надеясь на чудо, в язычестве упражняются, не понимая, кто царь мёртвых есть!

-Ну-у, – протянул в ответ Славин, – что ты можешь знать про это? Священству виднее…

– Ой ли, – не согласился с ним предприниматель, – не согласен! По вере своей ядерную «Сатану» освящают. И где христианство, где любовь?! Даже

здесь пустота запущения и чиновная имитация… Везде пустота, даже во мне, слышишь?!

В каком-то отчаянии, со злостью, Иванов стукнул кулаком по столу.

– Неправда всё! – с яростью выкрикнул он. – И церковники наши и даже я сам правды божией не нёсем и не ведаем! Помню, как-то в Москве подъезжаю к церкви, смотрю, на машинке покруче моей даже подкатывает молодой такой, сытый, опьяневший от вина и чувства собственной безнаказанности священник. Весь в крестах золотых, как орденами и медалями увешан… И подходит к нему, понимаешь, старая бабуля и слёзно молит его: «Помоги батюшка, отец святой, помощь окажи…» Дом, вишь, у нее сгорел со всем хозяйством, и жить негде! И что ты думаешь?! Этот святоша раскрутил её отдать в церковную копилку последние ейные сто рублей, а ей сказал, что бог подаст. Во как! А ты говоришь: им виднее. Впрочем, мы давно уже спелись с ними, и не поймёшь, где они и где мы, и кто кому служит… Хотя, ясно, что править хочется по-старому, правда, жрать – по-новому!

Ничего не сказал ему Славин и лишь грустно покачал головой.

– Хорошо, слушай дальше, – продолжил свою исповедь богач, – вот помню себя с детства, всегда мечтал быть сильным и храбрым… Помнишь, наверное, был у нас в классе Валерка Пугачев, так вот, ещё с младших классов отнимал он у меня ириски мои, конфеты такие сладкие… любил я их жевать на школьных переменах! Ох, как любил! И вот вырос я, и уже теперь сам отобрал у всех свою, принадлежащую только мне ириску, и не одну, а все, когда все вдруг захотели капитализма!

На какое-то время наступила холодная тишина, впрочем, лейтенант Славин быстро прервал ее.

– Не захотели, и не мы, – укоризненно посмотрел на предпринимателя Вячеслав, – это вы сами придумали и исполнили то, что нужно было только вам самим, а не народу! Мы не отказывались от социализма и его справедливости! Капитализм-сатанизм, скажи, что умнее… Жить-то мы хотим СЕЙЧАС, а не завтра, которого может и не быть! Все вы просто обманули и облапошили народ в чудовищном лицемерии вашем, подменив завоевания Октября вашей беспредельной «свободой», где вор и мразь – достойные люди и элита ваша! Но забыли одно, предав народ свой, которому обязались служить, что Россия и Родина – это мы, а не вы! Да и по церкви не согласен я!

– Не согласен? – пьяно прищурился Иванов. – В чём непонятка твоя?! Я же все разъяснил, как на духу, исповедался, что не нужна она…

– Нужна! – хрипло выдохнул Вячеслав и укоризненно посмотрел на одноклассника.

– Церковь для меня как маяк в бушующем море, и идя на его свет капитан спасает гибнущее судно… Правда вот, в одном ты прав, что если маяк повредился в себе и вместо света выдает тьму, показывая лукавую дорожку

на скалы – что будет с кораблём тогда?! Разобьётся он, и люди его погибнут, вот поэтому и должен работать сей маяк исправно и хорошо! А по богу и вере, так я думаю, что не в рабах нуждается Господь, а в детях свободы: сыновьях и дочерях, любящих его, как и ангелы любят Отца Небесного! И Господь даёт каждому себя в любви, а не в ненависти, ибо Он Любовь Есть!

Не без ехидства Иванов посмотрел на Вячеслава.

– Не согласен! – пальчиком погрозил он ему. – Слушай сюда! Вот смотрю я на вас на всех и дивлюсь! Что вы за люди, терпилы окаянные?! Всем довольны, всё «одобрямс», на выборах за нас аж 666 процентов… Машинки вот покупаете в кредит, а то, что кредиты эти придётся детям и внукам отдавать, вас не волнует, потому что такие вы есть, кредитное и не только рабство – форма жизни для вас, и знаешь: хорошо управлять такими, легко, знаешь, как-то… И вы, живущие в кредит, прозябание свое трусливо жизнью все зовете! Да, и еще тайну открою, не погнушусь: пишем мы хрень всякую для вас не только потому, что так надо, а потому, что скучно нам! Ты помнишь: мне скучно, бес! Но ничего, мы еще православного императора, царя вам – Антихриста дадим, вот тогда заживём!!! Впрочем, чтобы не скучать, войнушку вам подарим, ведь известно – война все спишет!

Лейтенант глянул на предпринимателя.

-Так ведь вы, – упрямо смотрел на богатея офицер, – царедворцы недобитые, драные аники-воины, присвоили то, что принадлежит народу, и нет вам извинения в деянии вашем!

– Народу! – передразнил его предприниматель и авторитетно заявил. – Нельзя считать деньги в чужих карманах, некультурно это!

– Некультурно?! – презрительно поморщился, как от зубной боли лейтенант. – А хорошо ли забирать последнее у детей и стариков своей страны и перекачивать награбленное у народов России бабло на Запад, а?! Зная при этом, что они будут умирать, как и страна, над которой посмеялись и надругались вы все!

– Не согласен! – повторился в своем ответе Иванов. – Голосуя за нас и наш образ жизни, вы голосуете и за убийство собственных детей… На мой взгляд, вы – звери, господа! И даже хуже их, ибо даже зверь лесной ради сохранения потомства своего пойдёт на всё, в отличие от вас! Так что, дети ваши давно уже стали чужими для вас, и кто же тогда виноват?! Себя вините, больше некого, ибо хищниками и убийцами вы стали для детей своих! И если поразмыслить, то большие христопродавцы это вы, а не мы, ибо нас понять можно всегда, потому как заботимся мы о детях своих, а не о ваших, и кровь детей ваших на вас будет! А по стране, так неужто ты не видишь, мой слепоглухонемой друг, что Рашка давно уже страна-донор, и она должна всем, при том, что ей никто и никогда ничего не должен! И такой её сделали все вы, в безразличии и тупости своей, избрав нас – своих губителей! А впрочем, что понимаешь ты и тебе подобные, служащие нам супротив своего народа?! Скажи мне, я – прав?!

– Нет! – грозно посмотрел на богача лейтенант. – На этом мы расходимся во взглядах! Жива Россия и герои наши оживляют ее!

– Герои! – презрительно отмахнулся от него как от надоедливой мухи депутат Иванов. – Да знаешь ли ты, что даже по героям, придуманным вашим, то бишь народным, задумали мы и исполнили так, что только тот, кто погиб за нас, за наши идеи и наши деньги, будет считаться героем, пусть даже не явит дела во благо народа своего, ибо простой народ для нас давно уже пустое место и расходный материал! Так вот, тот, кто положит душу свою за други своя – не получит ничего! И будь он даже Христом, без нашего решения и Указа как был никем, тем и останется! Ибо своим – всё, остальным - закон! Да и по народу твоему, скажу: ну совершишь ты подвиг во спасение, даже погибая за них, и что с того?! Плюнут и забудут тебя на следующий день, а поминать будут тех, кого мы назначим в герои, и никак иначе! Понял, валенок ты сибирский?! Никто не забыт, ничто не забыто?! Ха! Всё забыто и травой поросло! И вообще, что пенять на зеркало, коли рожа кривая?! Неужели не понимаете, что самое хорошее, доброе, настоящее для всех вас уже кончилось… Всё в прошлом, а впереди у вас ничто, пустота, зеро, яма, днище! Видно же, что всё общество разложилось как труп… Смердит уже, и некому поправить, и не находится ИСПРАВЛЯЮЩИЙ!

– Не боись! – упрямо посмотрел на богача лейтенант, – просыпается народ наш и не обманешь уже его врагами на Западе, где все детки и ближние ваши с награбленным барахлом жируют, как скользкие налимы, любители мертвечины и протухшей крови! Дай срок, всё исправим, и наш подлинный русский мир восстановим, как и прежде! И герои у нас будут настоящие – народные, как и награды, ибо награды ваши, как навоз, коровьи лепёхи, что вы лепите на грудь ближним своим!

– Ой ли! – в запале ответил ему Иванов. – Русский мир! Когда же он был русским?! Его гнобили и унижали в угоду кого угодно и чего угодно, но только не народа, населяющего страну! И вообще, думается мне, что надобно принять такой закон, что даже думать, мыслить простому человеку было бы запрещено! Ведь и ежу ясно, что все беды от вас – вольнодумцев! И пока мы у власти, у нас всегда будет наш максимум, так же, как у вас – свой минимум!

На какое-то время наступила тишина.

– Нет! – жёстко заявил Славин, с вызовом глядя на Иванова. – Мы никогда не подчинимся и не покоримся воле вашей, мать-Россия проснётся и, отряхнувшись от вас, как от кровососущих блох, станет свободной!

-Ух! – восхищенно воскликнул предприниматель и депутат Иванов. – Да вы, батенька, либераст! Гребаная сойка-пересмешница!

– Нет! – осадил богатея Славин. – И вы – псевдопатриоты и в равной степени либералы, поклоняетесь одному богу – культу бабла и американскому доллару, и в игрищах ваших весь народ наш – биомусор и расходный материал! Ибо вы и супротивники ваши как сатана, разделившийся в себе! Семьи за бугром, а шкурные интересы в России! А по героям вашим скажу –

безумцы! Именами чиновников и олигархов ваших называть мосты и улицы! И заставлять народ поклонятся им! Тьма в вас, ироды, тьма! И имя вам – легион!

Выстрел прозвучал неожиданно и хлёстко, как гром среди ясного неба.

Незадолго до этого дошедший уже до полной кондиции Агафрен Гудыма, допив последний «фанфурик», с ужасом смотрел на экран своего телевизора, постепенно сходя с ума. Видел он, как человек, похожий на Президента, бубнящий что-то своё с телеэкрана, превратился вдруг в ужасного карлика, ставшего внезапно уродливой плешивой крысой. После того эта крыса трансформировалась в огромного чёрта с ветвистыми рогами на голове, который выскочил из телевизора, важно прошёлся по комнате и ловко так, по-кошачьи, спрыгнул с балкона пятого этажа на улицу. С ужасом видел мужичок, как на детской площадке этот чёрт прикасался к играющим там детям и их родителям, которые вмиг превращались в страшных монстров-фашистов с рогатыми касками на головах и почему-то окровавленными топорами в крысиных лапках.

– Так вот оно что, Иваныч! – подумал вслух Агафрен и ясно понял, что наступила и его очередь спасать этот погибающий мир.

Неловко качнувшись, неуверенной шаткой походкой Гудыма подошел к старому шкафу и трясущимися руками схватил спрятанное там «до лучших времён», оставшееся еще от деда старенькое ружье. Заряжая его патронами с убойной картечью, мужичок блаженно улыбался, пуская пьяную слюну по подбородку: как же и его день и час настал! Вот уж он сейчас послужит Родине!

Широко распахнув дверь, вооруженный стрелок вышел на балкон и посмотрел вниз. Вот они, страшные эсэсовцы – все собрались на детской площадке и готовятся штурмовать его! С перекошенной улыбкой на лице Гудыма разрядил ружье по собравшимся фашистам на дворе, выкрикивая пьяное: «Русские не сдаются! Все на Берлин! Все… повторяем!»

В ужасе метались под градом картечи на детской площадке женщины и дети.

Было видно, как упала замертво пораженная прямо в сердце молодая женщина, и у её остывающего тела плакала кроха – маленькая девочка.

Услышав выстрел, лейтенант Славин быстро подскочил к окну и похолодел: с балкона соседней пятиэтажки вел огонь из ружья по женщинам и детям на детской площадке какой-то невменяемый мужик. Было видно, как упала пораженная его выстрелом молодая мамаша, у головы которой заходилась в плаче маленькая девочка, совсем еще ребёнок.

Подскочив к телефону, Славин вызвал спецназ и оперативную группу, после

чего, не обращая внимания на вопли Иванова, что эта пьянь может повредить его роскошный «Майбах», выскочил на улицу.

Как вы понимаете, предприниматель не последовал за ним.

Одним броском, под ружейными выстрелами Славин подскочил к девочке, плачущей у трупа матери. Схватив кроху, лейтенант бросился к своему подъезду. Уже открывая входную дверь, он почувствовал острую боль в спине, разрывающую его сердце, и, уже умирая, последним движением передал ребенка на руки встревоженным соседям.

Где-то вдалеке послышался плач полицейских сирен.

– Наши! – как-то блаженно подумал лейтенант Славин и провалился в теплую липкую мглу.

Впрочем, тьма была недолгой, ибо Свет просиял весьма сильный, и Славин увидел Ангела Божия, в глазах которого неугасимым Светом горел Огонь Вечной Любви.

Михаил, всё тот же Ангел Божий, пришел за ним, ласково и кротко улыбаясь ему, ибо Небесная Награда уже ждала своего Героя.

Спустя некоторое время наступила тишина.

Прибывший полицейский спецназ застрелил стрелка Гудыму, подъехавшие оперативные и городские службы споро принялись за свое привычное дело и весьма быстро закончили его.

Белизною яблонь цвёл месяц май, а люди равнодушно проходили и перешагивали через багряные лужицы крови, на поверхности которых искрилось ласковое майское солнце.

Истина лейтенанта Соколова

Повесть

Основана на реальных событиях

Любимой Маме

посвящается

Часть 1

Жесть

Утешитель же, Дух Святой, которого пошлет Отец во имя Мое,

научит вас всему и напомнит вам все, что я говорил вам.
Когда же придет Утешитель, которого Я пошлю вам от Отца,
Дух истины, который от Отца исходит,
он будет свидетельствовать обо Мне.
И Он, придя, обличит мир о грехе и о суде.

Иисус Христос. Евангелие от Иоанна

Истина: «Спасший одного человека – спасает мир!»

Городок Печаткин, что на самом Русском Севере Вологодской области, считался небольшим: производств немного, да и людей негусто – чай не Москва.

Старики баяли, что был ранее при царе-батюшке капиталист Печаткин, вот по его фамилии и окрестили город, был, правда, рядом поселок Сокол, но не назвали город именем этой гордой птицы.

Ведь понятно, люди по земле ходят, а не как соколы по небу летают, ибо, понятно, человеку деньгу надо зашибать, а не в облаках парить.

А так, город как город, как и многие малые города необъятной России.

На дворе стояли лихие девяностые, поэтому выживал народ с трудом.

Все-таки крепок русский народ: ему больницы сокращают, заводы прикрывают, а русские бабы словно в отместку, как «вечные» батарейки «энерджайзер» детей рожают – эх, велика Россия!

Многие спорили тогда, как и сейчас, о национальной идее России, а идея-то проста: живи и дай жить другим, только живи достойно, чтобы не стыдно было потом помянуть молодость свою.

Так считали многие, не сломленные еще печаткинцы.

Именно так думал и участковый уполномоченный инспектор Печаткинского РОВД, младший лейтенант милиции Соколов, заступивший на очередное дежурство в этот летний день.

Работёнка у тридцатилетнего лейтенанта была «хитрая»: ввиду отсутствия сотрудников приходилось ему быть не только участковым, розыскником по добровольно взятым «потеряшкам», но и вести уголовные дела по линии следствия и дознания.

Короче, ходячая следственно-оперативная группа в лице одного сотрудника!

Так и сегодня, Соколов недоуменно вертел в руках заявление от Шустряковой Галины Федоровны о том, что пропал, вероятно уехав на подработку в

Москву, ее сын, Шустряков Вадим Григорьевич, двадцати пяти лет, холостой.

Сейчас гражданка Шустрякова сидела напротив его, ибо ее заявление начальник РОВД отписал на исполнение Соколову.

Можно было, конечно, не тратя времени, перенаправить заявление с первичными материалами проверки в Москву.

Любой чиновник так бы и поступил, ибо инструкции позволяли сделать это, но проблема Соколова заключалась в том, что он не был чиновником, а был человеком.

– Так, значит, говорите, в Москву уехал ваш сын, – в очередной раз пытливо спрашивал заявительницу Соколов, – какие именно факты подтверждают это?

– Ой, подождите, – всплеснула руками Шустрякова, – у меня дома и записка от сына на столе лежит!

Это необходимо было проверить.

На квартире у Шустряковой при составлении протокола осмотра участковый изъял записку пропавшего Шустрякова, из которой следовало, что, да, в полном здравии, взяв с собой все документы, он отбыл в Москву, поскольку в Печаткине с работы он рассчитался, ввиду малооплачиваемости, поэтому будет жить в Москве, занимаясь частными подработками.

В квартире было чисто, никаких следов криминала, ни крови – ничего!

Опрашивая заявительницу и ее семью, участковый установил, что уехал потерявшийся Шустряков в Москву, где и запропал, после домашней ссоры и ссоры с любимой девушкой.

Всё это навело Соколова на определённые грустные мысли, что не всё так просто и однозначно в этом деле.

– Где работал Вадим Григорьевич? – в очередной раз уточнял лейтенант.

– Так я уже говорила – оператором в котельной, – как неразумному ребёнку повторяла заявительница, – но я там была, вместе с милицией и коллективом осмотрели там всё – ничего! С работы действительно он уволился. Не надо здесь искать, прошу подключить московскую милицию!

– Подключим, – успокаивал Шустрякову лейтенант Соколов, – обязательно подключим, дайте проверить еще кое-что по обстоятельствам исчезновения!

– Вы уж проверяйте, пожалуйста, быстрее, – укоризненно посмотрела на него мать пропавшего, – я заявление поздновато подала, долго в вашей дежурной части не принимали. Отвечали на телефонные звонки, мол, найдётся, не спеши. Пока не пройдёт трое суток – заявлять нельзя!

– Надо было вам сразу ко мне обратиться, а не ждать, – ответил Соколов и пообещал, – успокойтесь, мамаша, найдём мы вашего сына!

После работы по месту жительства «потеряшки» Соколов на служебном «УАЗе» приехал в котельную, где ранее работал Шустряков, хотя мог этого и

не делать, так как в первичном материале присутствовали протокол осмотра котельной, объяснения и справки из отдела кадров предприятия, из которых выходило, что, действительно, Шустряков, рассчитавшись по месту работы и получив документы, убыл, по его заверениям, на халтуру в Москву.

Но что-то не сходилось в этом деле, и Соколова мучали неясные предчувствия, что не всё так ладно и просто в этом деле.

– Зачем вы это делаете, зачем? – непонимающе смотрели на милиционера работники котельной, когда Соколов приступил к повторному осмотру территории. – До вас была целая опергруппа, так мы с ней все закоулки обшарили!

Осмотрев котельную и прилегающую местность, он действительно не нашёл никакого криминала. Затем методично стал опрашивать каждого работника котельной.

Дальше выяснилась интересная картина: простого честного молодого паренька буквально третировали и издевались над ним.

– Сам посуди, лейтенант, – всплескивал руками бригадир, – бригада с устатка выпить садится, ему деньги дают, мол, сбегай как самый молодой за «портвешком», а он, малохольный, отказывается! Да и с нами не пил никогда, дурашка. Трезвенник, блин, всё голубями своими занимался в свободное время!

– Чем, чем? – не сразу понял собеседника лейтенант. – Чем он занимался?

– Да голубями, – расплылся в широкой улыбке бригадир, обнажив вставные золотые зубы, – как перекур, так мы как люди под водочку селёдочку, а этот дурачок лез голубей своих кормить! Вот и не любил его никто у нас, да и не понимал!

– У него, что, голубятня была в котельной? – переспросил лейтенант. – Где именно?

– Да, была, – хохотнул бригадир, – он, поди, только голубей и любил, его даже баба бросила, с другим рога ему наставила! А голубятня – так вот она!

Бригадир показал на здание двухэтажной котельной, где на крыше на уровне третьего этажа была видна какая-то пристройка, типа небольшой деревянной сараюшки.

– Проверяли? – сурово посмотрел на собеседника лейтенант.

– Да кто ж туда полезет, – всплеснул руками бригадир, – туда залезти сплошное смертоубийство, наверху все доски, почитай, прогнили, чебурахнешься оттуда, костей не соберёшь!

– Так, так, – посмотрел на словоохотливого собеседника Соколов, – значит, не проверяли.

Затем встал: – Ну что, пошли, посмотрим вашу голубятню!

Бригадир не ошибся: проход на уровень третьего этажа, который вёл на

голубятню, состоял из основательно прогнивших досок, приходилось рисковать, идя вперёд.

Подсвечивая темноту пронизывающим лучом света американского подарочного фонаря «Мак», ну точь-в-точь как в «Секретных материалах», и держа в другой руке табельный «Макаров», Соколов подходил к лестнице, ведущей на голубятню.

Увы, самые худшие предчувствия не обманули его.

Подойдя ближе, лейтенант почувствовал ни с чем несравнимый запах трупного гниения.

Так и есть: в центре голубятни находился труп молодого мужчины, повесившегося на брючном ремне. Вокруг погибшего летали голуби, благо доступ для ветра, воздуха и птиц был свободный.

Глядя на позеленевший уже труп самоубийцы, Соколов заметил у него в кармане все документы.

– Так вот, значит, где ты трудоустроился, – покачал головой участковый, и глаза его забились в привычном нервном тике, – жесть, жесть…

Самое трудное, а любой розыскник-спасатель понял бы нашего героя, это сообщать его родственникам о гибели разыскиваемого близкого.

Но и эту работу Соколов выполнил до конца, сообщив заявительнице о страшной находке.

Прибыв в райотдел, Соколов по просьбе назойливого дежурного, на оперативной машине выехал на бытовой конфликт на своём участке.

Тишь да гладь, да божья благодать!

– Ничего, Андрей, – добродушно балагурил милиционер-водитель, – обслужим этот вызов и домой!

– Лишь бы больше вызовов не было, – задумчиво ответил Соколов, – сейчас тихо, но что будет дальше?

– Да ничего не будет, – глянув на его погоны, поспешил успокоить младшего лейтенанта водила, – не беспокойся, младшой!

Внезапно рация в автомобиле забулькала и зашипела, в ней раздался голос дежурного, напряжённый голос: – Тридцать девятый, тридцать девятый! Срочно ответь первому!

– Да, слушаю, – быстро ответил на радиовызов участковый, – на приёме тридцать девятый!

– Вот что, ребята, по семейке отбой, её обслужит экипаж ППС, вам срочно вызов в Литегру, где совершено нападение на участкового Романцова! По имеющимся данным участковый ранен, с него сняты оружие и спецсредства! Ребята, срочно туда! «Скорую» и спецназ вам направляю!

Лихо совершив крутой каскадёрский поворот, милицейский УАЗ с включёнными проблесковыми маячками и сиреной полетел к месту вызова.

Слава Богу, находились они не так далеко от Литегры, и к раннему вечеру машина уже подъехала к месту происшествия. Входя в деревенское каменное двухэтажное общежитие, где произошло ЧП, Соколов достал и привёл в боеготовность табельный пистолет, но никого в общежитии не было. Лишь в помещении общей кухни Андрей заметил на полу и на стенах бурые пятна, напоминающие кровь. На кухонку ворвалась молодая рыжеволосая деваха, лет этак двадцати, и бросилась к нему: – Товарищ милиционер! Я всё видела, у нас на днях в деревню вернулся после отсидки рецидивист Манков. Сегодня он устроил пьяную бучу прямо в общаге. Зашедший участковый Романцов пресёк пьяный дебош Манкова, тот обиделся, выхватил нож и несколько раз ударил инспектора ножом, после чего отобрал у него оружие.

– Где Романцов и Манков? – посмотрел на девицу Соколов, убирая пистолет в кобуру.

– Наш участковый пошёл домой, к своей семье, – тараторила как пулемёт рыжая, – а бандюга Манков орал, что добьёт участкового его же оружием, как и всю его семью, затем сожжёт его дом!

– Жесть, – поморщился Соколов, – спецназ нужен!

– Да не дождётесь вы его, ему, чай, с Вологды вашему спецназу пилить, а путь неблизкий, – в ужасе всплеснула руками девица и добавила, – я сама видела, как пьяный Манков побрёл к дому нашего участкового с канистрой в руках!

Это сообщение кардинально меняло намерение Соколова ждать спецназ и никуда не влезать.

Выходя уже в полутьме из здания общежития, Андрей услышал шум подъезжающей автомашины.

Так и есть, к их милицейской машине подъехал «УАЗик-буханка» «Скорой помощи».

– А, вот и люди в белых халатах приехали, – улыбнулся Соколов появлению городских медиков, привычно останавливая рукой спецавтомобиль.

– Где дом больного Романцова? – обратилась к нему немолодая уже врач «Скорой». – Нам поступил вызов на ножевое ранение.

– Вот что, доктор, – посмотрел на медичку Андрей, – ситуация сложная, вы поедете, немного поотстав, за нашей машиной, как мигнём маячками, сразу подъезжайте, а до этого даже близко к нам не смейте приближаться!

– Хорошо, – согласно кивнула головой врач, – я вас поняла, мы едем за вами на расстоянии.

Посадив на борт рыжеволосую девицу, которая назвалась Катей, милицейский УАЗ начал движение к дому местного участкового. За ним, поотстав, ехала с ближним светом «Скорая помощь».

– Ну что, Сусанин, – хитро подмигнул Соколов Кате, – не заблудимся мы с тобой?

– Да нет, что вы, – зарделась девица в смущении так, что посветлело в салоне машины, – скоро уже подъедем!

Объезжая деревенские колдобины и ямы, УАЗ подъезжал в вечерней тьме к освещённому уличным фонарём дому Романцова.

– Товарищ милиционер, – испугалась Катерина, – у столба Манков стоит!

В полутьме, под неясным светом деревенского фонаря маячила фигура долговязого верзилы, в правой руке которого покачивалась милицейская резиновая палка «РП», а в левой руке тускло поблёскивал нож. У ног неприметно стояла канистра с бензином.

– Юра, дави на газ! – выдохнул Соколов водителю, – поравняемся с ним, резко тормози!

Газанув, милицейский УАЗ, вспахивая колёсами землю, буквально подлетел к преступнику, ударив по тормозам.

В прыжке, подобно пикирующему соколу, который настигает жертву, Андрей на лету приёмом каратэ сбил бандита с ног и молниеносно надел на него наручники.

– Юр! Мигни медикам, – вставая, попытался улыбнуться Соколов, – пусть подъезжают!

Засемафорил всеми своими проблесковыми маячками милицейский автомобиль, разгоняя полутьму вокруг себя. Ему как бы в ответ мигнул синий маячок «Скорой», которая, набирая скорость, подъезжала к месту задержания.

– Первый, первый, ответь тридцать девятому! – торопливо вызывал Соколов. – Отбой спецназу, отбой! Задержание преступника произведено, Романцова доставляют в больницу.

– Спасибо, тридцать девятый, – благодарно отозвалась рация, – оставайтесь на месте, до прибытия следственно-оперативной группы охраняйте место происшествия!

На следующий день, кроме привычных хлопот по административному участку, расследования уголовных дел, на столе у Соколова лежало очередное заявление о новом пропавшем. На этот раз в кабинете у Соколова плакала молодая женщина: «Пропал мой Колечка, мальчик-инвалид, восьми лет. Были на даче, отвернулись, а его и след простыл!»

Уточнив, что ребёнок пропал на дачном участке в районе лесопарка деревни Ерцево, Соколов понял, что осмотру подлежала огромная территория, там, почитай, и река поблизости, пруды, промзона небольшого заводика рядом, да и не так далеко раскинулось всё растущее кладбище. При этом лейтенант

выяснил немаловажную деталь – ребёнок не мог говорить и слышать! Мимо такого пройдёшь, не заметишь. Да он и на помощь не позовёт!

Поэтому, вкратце изложив в служебном рапорте данные обстоятельства и запросив в тексте подъём всего личного состава РОВД на поисково-спасательную операцию, лейтенант бегом поднялся на третий этаж к начальнику РОВД.

Начальника на месте не было, исполнял его обязанности майор Федорцев.

– Так, так, – быстро ознакомившись с содержанием рапорта, посмотрел на участкового начальник, – значит, просишь подъём всего личного состава на розыск своего «потеряшки»?

– Да, прошу, – подтвердил лейтенант, глянув на майора, – считаю, что дорога каждая минута, иначе потеряем ребёнка!

– Может, ты на моё место хочешь? – сурово посмотрел на Соколова майор. – Так, знай, парень, я на своём месте, а ты на своём! Со своего места я вижу, что в моём отделе каждый должен заниматься своим делом! Ты, что, хочешь, чтобы я оторвал следователей и дознавателей от уголовных дел?! А оперов и другие службы передал в подчинение тебе?! Извини, парень, у них своей работы хватает! Ты понимаешь?! Каждый должен заниматься своим делом и не лезть в чужие! Тем более у отдела показатели и статистика «горят» – а это для меня святое! Ты за меня отчёты в УВД дашь?!

– Впрочем, – по-барски махнул рукой начальник, – чтобы ты не обижался, дам я тебе людей, выделю двух человек от изолятора временного содержания – доволен?

– Разрешите идти? – рука Соколова нервно теребила застёжку кобуры, оттопыренную весом верного «Макарова». – Я свободен?

– Да, свободен, – царственно согласился майор, – в ИВС я позвоню, двух милиционеров, так и быть, забирай себе на поиск.

На поиск ребёнка участковый поднял население, обзвонив редакции районных СМИ – радио, местного телевидения, газет. Активную помощь ему оказали водолазы Коли Росина, начальника местной водной спасательной станции. Хотя, понятно, что не дело водолазов лесистую местность прочёсывать, но иного выхода у Соколова не было.

Воистину, мир не без добрых людей!

Попутно проверяя криминальность исчезновения малыша, теряя время на проверку домов местных педофилов, группа добровольных поисковиков расширяла поиск. Силами водолазов проверялись местные пруды и речушки. Все торопились, понимая, что время работает против них, так как и заявление подали поздновато, да и народу, прямо скажем, было не густо.

Ребёнка нашли довольно быстро, но поздно.

Безмолвный труп малыша был найден в лесопарковой полосе, в районе кладбища. Запутавшись в кустах, слабый ребёнок так и не смог выбраться,

равно как и позвать на помощь.

– Жесть, жесть, – молча плакал Соколов в морге при опознании тельца крохи родителями, – прости, малыш, не спас…

Вспоминалось Соколову по этому поводу, как однажды при задержании опасных вооружённых преступников при проверке междугородного автобуса «Вологда-Печаткин» он увидел в числе пассажиров рейса свою мать. Неуклюже проверяя салон автобуса и его пассажиров, в полной армейской защите, в тяжёлой армейской каске, бронежилете, с древним автоматом Калашникова, Андрей заметил, какой океан боли плескался в глазах его мамы, такую же боль и горе он видел в глазах родителей мальчика Коли. Снилось в эту ночь участковому, как разысканный, но не спасённый малыш был поднят Небесными Ангелами на Небо, и радовался Андрей Соколов этому весьма, проходила боль в его израненной душе и сердце. Затем он сам был поднят от тела неведомой силой и увидел светлый шар, который вспыхнул светом и преобразился в самого Христа, от которого исходила волна невероятной кротости и милосердия, за спиной Его сиял немыслимым светом Град Небесный Иерусалим. Конечно, Андрей, как розыскник, хорошо рассмотрел Спасителя. Нет, он не такой, как на иконах, много краше и прекрасней!

Всё Его тело как бы светилось изнутри, и по сравнению с Ним вид обычных людей был блекл и невзрачен.

Трепетала от счастья и радости душа Андрея, затем Христос кротко улыбнулся ему и исчез в вспышке света. Было ему ещё видение сияющего светом девятисвечного светильника, затем Андрей проснулся.

На следующий день Соколов был вызван в городскую прокуратуру, где прокурор коротко поприветствовав его, подал ему заявление гражданки Кузькиной, из которого следовало, что участковый Соколов опозорил честь милиции, что выразилось в совершении им против неё ряда тяжких преступлений. Выходило по бумаге, не участковый, а чикатило какое-то!

– Прочитал? – посмотрел на него поверх очков прокурор. – Вот и я прочитал! Сразу скажу, другого я закрыл бы моментально, тебя знаю, ты не из нашего болота, ты все правду и истину ищешь!

– Да я, – привстал со стула участковый, – вообще эту гражданку не знаю.

– Посиди, отдохни! – улыбнулся ему прокурор. – Разобрался я в этом деле, конечно, ничего не было, а гражданка та пояснила, что господа офицеры ее подговорили на заяву эту! Что с нее взять?! Пожизненно на учете у психиатра состоит. Подстраховались, мерзавцы!

– Впрочем, ты иди, работай дальше, Андрей, – посуровел прокурор, – а начальникам этих прохиндеев я вставлю по первое число! Только вот что, аккуратнее работай, сам понял теперь – не все тебя в РОВД любят!

Впрочем, и так, без всяких прокурорских предупреждений старался Соколов работать «аккуратно».

Вспоминался ему по этому поводу особо опасный рецидивист Панков.

Как-то пришлось Соколову брать его по ориентировке, тот пил с дружками по зоне на берегу реки. Дела за ним числились интересные и разнообразные: ночью вскрывал он с дружками в районе сельповские магазины, и словно бы повторяя известный фильм, малевал в ограбленных им сельмагах чёрную кошку.

Пройти с милиционером, а участковый был один, не согласился, и в итоге, пока к нашему «Анискину», не торопясь, подтягивалась подмога, всей толпой они успели окунуть Андрея в воду.

Участковый вспоминал о том случае с грустной улыбкой: открыв глаза, он увидел над собой пленку воды, в то время как чужие руки шарили в кобуре и душили.

Приемом дзюдо Соколов сам притопил нападавших, а от остальных оборонялся, приподняв над водой пистолет, из ствола которого вытекала вода, ну чисто пограничник Карацупа из знаменитого фильма!

Увидев подъехавшую машину милиции, шпана, окружавшая в воде участкового, побросала палки и сдалась на милость победителя.

Впрочем, даже не об этом случае знакомства с Панковым припомнил Андрей.

Ему вспомнилось, как однажды, когда он в очередной раз задержал рецидивиста по ориентировке, Панков улыбнулся: – Слышь, командир, когда ты вчера ночью со спецназом проверял притон, я мог бы тебя завалить, сам понимаешь, заховался я в погребе с «ТТ» в руках, а ты надо мной ходил…

– Что ж не завалил? – грустно улыбнулся участковый.

– Так ведь пожалел, – посерьезнел Панков, – в тот раз, когда ты нас брал у реки, ничего лишнего на нас не возвел, а помнишь, брат у меня пропал, другой мент меня закрыл бы, отомстил по полной, а ты нашел его. Почитай, ты у ментов как последний ментозавр, рука на тебя не поднялась…

Вот и выходило, что его пожалел зек, но не жалели свои.

Очередное заявление пришло от знакомого отца, гражданина Серпухова.

Так, мол, и так, но запропала его дочь, красавица-студентка Серпухова Наталия Сергеевна, двадцати лет от роду, примите меры к розыску.

Соколов, конечно, все необходимые меры принял.

– Ты пойми, Андрей, – горячился ее отец, довольно известный в городе предприниматель, – она у меня одна, найди ее!

– А хочешь, – делал широкий купеческий жест Серпухов, – как найдёшь, я тебе квартиру и авто подарю!

– Да ничего не надо, – отнекивался Андрей, в то время бывший «безлошадным» и бесквартирным, – нам государство деньги платит, найдём и так, не говорите больше про подарки, не надо!

Нашли пропавшую Серпухову, нашли, но, увы, мёртвую, что называется – с явными следами насильственной смерти.

Стал копать участковый с операми и докопался-таки до правды!

Оказалось, что те, кто громче плакал да рвал на себе волосы на похоронах красавицы-«потеряшки», лучшие друзья и подруги, и оказались причастны к её погибели.

История была проста, как учебник по криминалистике: убили просто так, на почве внезапно вспыхнувших личных неприязненных отношений, так бывает, когда девочки мальчиков делят и наоборот.

Другое заявление вообще Соколову пришло из дальней деревни Сердюкино. По нему выходило, что запропала там старая учительница, ветеран труда Марфа Ивановна Глебова, вышла из дома – и с концами! Прибыл участковый в деревню, с людьми познакомился, связи, контакты наладил, местного участкового и опера к розыску привлёк.

Удалось-таки выяснить, что перед исчезновением контактировала пропавшая учительница с бывшим учеником Семёном Удальцовым, жителем этой же деревни.

Припёр к стенке Удальцова лейтенант показаниями соседей, видевших в день исчезновения пропавшую у него дома.

Хорошо осмотрел участковый дом Удальцова, не поленился проверить и чердак, и подпол, подсвечивая темноту американским «МАКом». Осмотрел, ища следы крови, все топоры, лопаты и ломы в доме, но – ничего!

Удалось установить, не смог этого скрыть Удальцов, что, да, приходила старая учительница к нему домой, и даже то, что выпивали вместе – этого он не отрицал.

– Что это у тебя? – указал на руки Удальцова глазастый опер угрозыска. – Ожоги, да?

– Да, обжёгся малость, – виновато потупился Удальцов. – Печь разжигал неудачно.

– Андрей, – радостно зашёл в дом местный участковый, – есть свидетель!

По показаниям найденного свидетеля – местного жителя, следовало, что в вечер исчезновения он видел, как Удальцов вывозил на своей тележке что-то длинное, завёрнутое в ковёр, в близлежащий лесок.

Когда подозреваемому предъявили такие показания, он не выдержал и «поплыл», раскололся, как говорят опера ОУР – «на раз»!

Показывая в лесочке, находившемся поблизости от деревни, место страшного кострища, Удальцов уныло давал показания, как после совместно выпитого на почве внезапно возникшей бытовой ссоры он не сдержался и ударил свою учительницу бутылкой по голове. Поняв, что убил старую женщину, он вывез её в лес, где сжёг дотла!

«Жесть, жесть…» – морщился как от зубной боли лейтенант Соколов, потому как не укладывалось у него в голове, как ученик мог поднять руку на учителя своего, который дал ему путёвку в жизнь!

Вспоминал при этом Соколов, как перед выездом в деревню руководство РОВД настойчиво просило его «слепить» из исчезновения старой учительницы «отказник», мол, пошла в лес и заблудилась, никакого криминала!

На следующий день Соколов получил на исполнение новое заявление о пропавшем в лесной местности. Согласно заявлению, запропал, уйдя в лес, местный житель Согдин Павел Иванович, двадцати шести лет от роду.

Место, где пропал Согдин, считалось весьма труднодоступным. В тайге на днях был установлен факт нападения на жителя близлежащей деревни медведя-подранка, которого не смогли добить егеря.

Поэтому, вооружаясь, Соколов взял кроме табельного «ПМ» и ракетницы «ПС» складной укороченный десантный автомат Калашникова, потому что понимал, натолкнись они на медведя-подранка, пистолетиком его уже не остановить.

Позвонив в лесничество и сельсовет с просьбой о выделении людей и подключив через местные СМИ людей на розыск, Соколов выехал на место исчезновения Согдина.

Прибыв в деревню и установив обстоятельства исчезновения Согдина, участковый помрачнел – один к одному как в случае с самоубийцей-«потеряшкой» Шустряковым.

Налицо был семейно-бытовой конфликт, ссора на работе и с любимой девушкой. Плюс, уходя в лес налегке, пропавший Согдин взял с собой моток проволоки. Эти установленные детали совсем не радовали Соколова.

– Так кто же убил Лору Палмер? – по телевизору в деревенском доме Согдиных показывали сериал «Твин Пикс».

– Зло, находящееся в людях, убило её, – в качестве комментария высказал своё мнение умудрённый опытом небольшой, в общем-то, тридцатилетней жизни начитанный Соколов, – стали человеку врагом домашние, ближние его! Что поделать, если в наше время дети ненавидят родителей своих, а те не любят детей!

Выходя из деревенского дома, Соколов заметил, что небольшая его группа была собрана.

Подъехав к лесу на «УАЗах», среди которых выделялась патрульная машина Юры Кузнецова, на крыше которого в составе сигнального громкоговорящего устройства находились синий, зелёный, красный проблесковые маячки, Соколов вместе с местным следопытом-лесником Ерофеичем вышел из машины. Разделил людей на группы, где старшими назначил лесников и егерей, себе взял Ерофеича, который не расставался со своим неразлучным карабином, да пару здоровущих местных мужиков и маленького грузина худышку Вано, хорошо знавшего местные леса. После чего группы дружно вошли в лес.

– Товарищ лейтенант, а товарищ лейтенант, – заговорил с ним старик Ерофеич, – вы слышали про подранка в наших лесах? Осторожней надо идти, а то неровен час косолапому на ужин попадём, потому как нет в тайге зверя хуже и лютее, чем шатун, испробовавший человеческой крови.

– Не беспокойся, Ерофеич, – успокоил лесника Соколов и пошутил, выразительно показывая на своё оружие, – видишь, я сегодня не один, а нас целых трое! Я, Макаров и Калашников!

– Дай бог всё и обойдётся, – не совсем понял шутку Соколова старый следопыт, – я вот иду, а карабинчик свой наизготовку держу – мало ли чего!

Внезапно в нос поисковикам ударил тяжёлый, мускусный, какой-то металлический козлиный запах, и что-то крупное и хищное стало кружить вокруг группы Соколова, сбившейся весьма кучно по этому поводу.

– Что это, медведь? – шёпотом спросил лесника участковый, медленно поднимая автомат и переводя переводчик огня на «АВ», что значит автоматический.

– Не знаю, командир, – также шёпотом ответил побелевший внезапно Ерофеич, – медведем и не пахнет!

Внезапно один из поисковиков наткнулся в кустах на что-то большое, мягкое и податливое. На земле лежал труп большого медведя в лужах собственной запекшейся крови.

Было видно, что «мишку» убила явно не чья-то пуля.

– Кто его так? – недоумённо спросил Соколов у лесника. – Смотри, как туша распластана, это явно не человек!

– Да, – ужаснулся Ерофеич, – охотниками тут и не пахнет, смотри, как разделали зверюгу!

На расстоянии десяти метров раздался ужасающий и холодящий кровь звериный рык. Посмотрев в сторону рычания, Соколов заметил огромное, высотой более двух метров, покрытое бело-серой шерстью существо, которое двигалось на них с яростным взором поблёскивавших красных глаз.

Резко вскинув автомат, лейтенант дал несколько коротких очередей над головой существа, срубившие верхушки молодых сосенок. Ему вторил пару раз громыхнувший на весь лес карабин лесника.

Существо, не ожидавшее встретить от людей огневой отпор, бежало, бесшумно перескакивая через кусты, и вскоре скрылось в местной тайге.

– Вот это да! – не выдержал Ерофеич. – Чисто кино! Что ж это было, командир, ведь не медведь, правда?

– Не медведь, – согласился лейтенант, – но пусть лучше будет медведь, иначе в дурдоме будем перестукиваться из соседних палат! Вот что! Будем считать, что это мы шатуна завалили, иначе нам никто не поверит!

– Ты прав, командир, – хоть и вразнобой, но согласились с ним мужики его группы, – для нас это лучший вариант.

– А всё-таки, командир, – с хитрецой улыбнулся старик Ерофеич, – сдаётся мне, что мы хозяина леса, лешака от его добычи отогнали!

– Какой там леший, – не утерпел один из мужиков, тот, что покрепче, – «вот я с Колюней-дружком в Афгане служил, там эта нечисть часовых по ночам в горах пугала, и звать эту нечисть по-научному Йети – снежный человек!

– Йети его, это точно, – усмехнулся друг-Колюня, стоявший рядом, – а по мне так этот гуманоид и вовсе инопланетянин, хоть и похож на обезьяну-переростка!

Все дружно посмотрели на говорящего.

– Не пропадать же добру, – по-хозяйски усмехнулся Колюня, отрезая большим охотничьим ножом у медведя уши и часть мяса и складывая в рюкзак, – да и доказательства – вот они! Не тащить же тушу в деревню, далеко!

– Ты ему что-нибудь другое отрежь, – не удержался и съязвил старый лесник, – вот доказательство будет, большое такое доказательство!

– Отставить! – укоротил всех лейтенант. – Ты, Николай, с медвежатинкой заканчивай быстрей, мы на поиске или как?!

– Ты прав, командир, – послушно согласился Колюня, – но пойми нас, что в деревне, да и в городе работы сейчас нет, дай хоть детишек свежим мясцом порадовать, а то жёнка пилит: «Робить надо, дроля, робить». А где?!

– Заканчивайте этот мясной базар, – торопил свою группу лейтенант, – идти надо!

– Найдём мы твоего потеряшку, – самоуверенно смеялись мужики, – найдём, да еще по шее ему накостыляем, не хрен в лесах пропадать да людей от дела отрывать!

Так получилось, что нашли они этого «потеряшку», причем довольно скоро.

Как и боялся Соколов, ни с чем несравнимый запах гниения человеческой плоти они почувствовали издалека.

На кудрявой сосне висело чудовище – удавившийся на проволоке и разложившийся уже пропавший Согдин.

Вид его был ужасен, как и его поступок.

Тело раздуло до невероятных размеров, на огромной одутловатой, расплывшейся голове отсутствовали глаза. Страсть! Поисковиков буквально выворачивало при подходе и когда снимали труп с сосны.

– Ну и кто его понесет?! – с ужасом и отвращением спрашивали поисковики у Соколова, усиленно зажимая носы и рты своей одеждой. – Мы ни за какие деньги его не понесем! Нет таких денег, что бы его хоть кто-то понес!

Лейтенант привычно нервно постукивал по кобуре.

Пытался предложить свои услуги старый лесник, но Соколов отказался: – Ты проводник, обратно нас поведешь, да и куда тебе с твоим больным сердцем!

Вырубив жерди топориком и приготовив Согдина в последний путь, лейтенант решительно взялся за жерди.

– Стойте, товарищ лейтенант, – маленький худышка Вано подал голос, мужичок метр с кепкой, ветром шатает, – я помогу вам, помните, когда меня оклеветали деревенские, вы один не поверили им, прекратили уголовное дело в отношении меня, отдав под суд виновных, помните?

– Нет, не помню, Вано, – хрипло выдохнул, внезапно тяжело закашлявшись лейтенант.

– Ну как не помните? – умоляюще посмотрел на него Вано. – Давно это было, но вас я запомнил, милосердие в вас есть, спасибо за тот случай! Долг платежом красен, вместе Согдина понесем!

– Спасибо, Вано! – откашлявшись, поблагодарил южанина Соколов. – Спасибо, и в тебе милосердие есть, коли помогаешь мне!

Взяв в руки носилки с невероятно тяжелым погибшим Согдиным, Андрей и Вано стали с трудом выходить из леса, через непролазные кустарники и деревья.

Жерди всей тяжестью покойного впивались в плечи лейтенанту, от тяжести и ужасающего запаха кружилась голова, и перед глазами Андрея стояли, окружали со всех сторон бесчисленные прозрачные светящиеся шары, тяжелый окопный кашель буквально давил Соколова.

Но надо было идти, обратной дороги, путей к отступлению у него не было!

Вдали показалась деревня, заметно струсившие здоровячки наперебой предлагали свои услуги Соколову, мол, им будет стыдно войти в деревню, когда их же соседа принесет милиционер, а не они, опытные фронтовики-афганцы!

– Несите, – хрипло разрешил лейтенант. – Вано также поменяйте, на нем лица нет!

Группа Соколова со скорбным грузом на плечах вступила в деревню.

Когда лейтенант закончил бумажную работу и подошел к своему

милицейскому «УАЗу», он увидел, что над лесом в их направлении плавно и степенно по воздуху плыл НЛО.

НЛО представлял собой большой светящийся шар, от которого лучами исходили световые волны. Объект имел вид эллипса, сопутствовали ему зелёные и красные шары.

– Давай поприветствуем братьев по разуму, – улыбнулся Соколов и включил СГУ, подсвечивая ранний вечер.

На крыше «патрульки» замигали разноцветные проблесковые маячки. Словно бы отвечая ему, вся поверхность НЛО, как экран, покрылась неизвестными Соколову символами и знаками.

– Во дают, бродяги! Интересно, почему раньше люди видели ангелов, а сейчас инопланетян?! – восхищённо воскликнул водитель машины. – Только нам, Андрей, если даже рассказать кому, никто не поверит!

– Это факт, – улыбнулся Соколов, – никто не поверит, а разве мы скажем кому?

– Но ты не ответил на вопрос, – не отставал водила, – почему?

Соколов, улыбнувшись, пытливо посмотрел на водителя: – Да разве это важно, ты сам себе ответил своим вопросом, правильно задав его!

Не знал участковый, что в это же самое время рыбаки в Болгарии, вытаскивающие сети, набитые рыбой, видели над морем знамение: как бы человека, стоявшего у полицейской машины с включёнными на её крыше разноцветными мигалками.

Долго ещё не расходилось над морем столь интересное видение, и рыбаки, уже забыв про рыбу, стояли в лодке и не могли оторвать глаз от раскрашенной всеми цветами радуги живой картины.

Часть 2

Тор

На чём основана верность собаки,

не на любви ли?!

Автор

Случилось это в начале девяностых, когда великая страна под названием СССР уже развалилась, а новая Россия еще рождалась в муках и скорбях.

Невелик город Печаткин, что на севере Вологодской области необъятной России, всего-то двадцать тысяч населением, пара заводов да лесопилка, вот и все предприятия.

На улице Советской, что в центре города, расположен районный отдел внутренних дел, где и работает наш герой, участковый уполномоченный инспектор младший лейтенант милиции Соколов.

Впрочем, сегодня лейтенант был на так редко выпадающем ему выходном дне и вместе с другими пассажирами трясся в плацкартном вагоне поезда «Москва-Вологда».

На раскладном столике, в открытой коробке из-под обуви, на мягкой тряпице шустро возился маленький черный комочек с рыжими подпалинами на груди и коротким купированным хвостиком.

– Как же тебя назвать? – поглаживал шерстку месячного щенка ротвейлера Андрей Соколов. Решение пришло быстро: – Тор! Назовем тебя Тором!

Щенок вопросительно посмотрел на своего молодого хозяина карими глазками и словно в знак согласия облизал пальцы его руки.

– Тор! И то правда, – размышлял участковый, – название, имя собаки должно быть короткое и точное, как выстрел, как удар молота по наковальне… Тор! Хорошее имя.

При этом молодой участковый не особенно вдавался при названии щенка в скандинавскую мифологию и северные легенды.

Дома собачку встретили хорошо, и щенок, довольно быстро освоившись, по-хозяйски помечал в квартире свою территорию.

Впрочем, время летело быстро, и уже через полтора-два года маленький Тор превратился в грозного, шикарного боевого ротвейлера, прошедшего кроме ОДК и ЗКС и боевую подготовку.

Спорил как-то с кинологом Василием участковый на тренировках служебных собак едва ли не до хрипоты, доказывая, что ротвейлер ни в чем не уступит немецкой овчарке.

В ответ кинолог Давыдов, улыбаясь, говорил: – Далеко твоему ротвейлеру до чистопородного немца, овчарка и в Африке овчарка!

Тренировка происходила на заброшенной стройке.

Шикарно бегала по плитам и грациозно перемахивала через воду котлована немецкая овчарка уголовного розыска, впрочем, и Тор ни в чем не уступал ей, так же бегал, прыгал, полз, преодолевал глухие и высокие заборы.

Посмотрев на плиту, на расстоянии двух метров закрывающую котлован с водой, подобно крыше дома образовавшей водную ловушку, Соколов спросил кинолога ОУР:

– Сможет твоя овчарка под водой преодолеть это препятствие?

Василий улыбнулся: – Да ты что, не сможет, она же не тюлень, и твой не сможет!

В подтверждение своих слов кинолог подвел к подводному препятствию свою

овчарку и дал команду: – Вперед, плыви!

Куда там!

Овчарка беспомощно закружилась на месте, вступив в воду, подняла узкую морду и непонимающе заскулила.

– Что я тебе говорил, – торжествовал кинолог, – никакая собака под воду не полезет, хоть зазовись!

– Посмотрим, – улыбнулся уверенный в своем «ротти» Андрей, запрыгивая на другую сторону водной преграды, позвал: – Тор, ко мне!

Подбежав к воде, умный пес остановился, посматривая на хозяина любящими глазами, и резко поднырнул под плиту, которая возвышалась над водой.

Прошло несколько томительных секунд, и вот мужественный ротвейлер уже выныривает из-под плиты как настоящий водолаз и, отряхиваясь, прыгает к хозяину!

– Молодец, Тор, молодец, – похвалил Андрей любимца, – не опозорил свою породу!

Даже на тренировках по взятию вооруженного учебного преступника Тор успешно продемонстрировал свои незаурядные качества.

– Смотри! – самоуверенно говорил кинолог Давыдов. – Любая служебная собака атакует на руку, выставленную вперед, а я другой рукой резиновым муляжом ножа поражаю ее. Сам понимаешь, я проводником СРС на границе служил, науку знаю!

– Так уж и любая, – усомнился участковый, – что они, дурные, пустую руку атаковать, не замечая в другой оружие?

– Ты хочешь со мной поспорить? – улыбнулся кинолог. – Смотри, проиграешь!

Заняв защитную стойку, кинолог, облаченный в усиленный дресскостюм, включающий в себя валенки, защитную маску на лицо и дополнительную куртку с капюшоном, дал команду на атаку.

– Тор! – дал команду участковый, показывая рукой на кинолога. – Учебная атака! Фас!

Стрелой полетел на «врага» грозный ротвейлер.

Улыбаясь, Василий поставил защитный блок рукой, спрятав муляж ножа в другой, заранее замахиваясь им на собаку.

Но не тут-то было. Пролетев в полете, в яростном боевом броске ротвейлер, изогнувшись всем телом, миновав обе руки кинолога, сбил его с ног.

При этом выбив из его руки муляж ножа, мощный ротвейлер положил оперативника на землю и удерживал его.

– Тор, фу! – подбежал к месту учебного задержания Андрей. – Охраняй!

Послушный ротвейлер ослабил хватку и сел наизготовку у кое-как встающего с земли кинолога.

– Ну и как? – без всякого сарказма и иронии сочувственно спросил Соколов у розыскника.

Побелевший кинолог встал, отряхиваясь от земли: «Да, серьезная у тебя «машина», Андрей, после такого коньяк надо пить, под него я больше в жизни никогда не пойду и другим скажу, чтоб не смели!»

Впрочем, Соколов и сам понимал, что у его «Тора Ларсовича», по родословной отец у него был Ларс, очень серьезные задатки прекрасной служебной собаки.

Поэтому даже когда на служебных тренировках по выборке ошибались служебные овчарки и доберманы, Тор успешно проходил все испытания.

Коллег по службе потрясало, что по команде участкового пес Соколова заскакивал на ходу в открытые окна едущей легковой машины и брал в «плен» водителя.

Так что пес стоил тех кредитных денег, которые участковый взял у банка.

Работёнка Тору и его хозяину подворачивалась непыльная, в основном патрулирование по охране общественного порядка, да пресечение хулиганств и массовых беспорядков, которые иногда происходили по пьяной лавочке в городе.

В этих ситуациях Тор был неподражаем и стоил целого отделения ОМОНа, а то и более, потому как не находилось храбрецов противостоять ему.

Впрочем, в одну из летних ночей Соколов был поднят по тревоге со своим ротвейлером и прибыл по вызову в опорный пункт милиции на административном участке, где и узнал, что в ночное время группа хулиганов разоружила милицейский наряд и завладела боевым пистолетом Макарова.

Отдел естественно подняли по тревоге.

С ночным происшествием участковый и его коллеги из уголовного розыска разобрались быстро, ночные хулиганы были установлены и задержаны.

Правда вот на допросе шпана «героически» играла в несознанку, отказываясь показать место, где был спрятан похищенный «ПМ».

Как всегда выручил верный Тор.

Работая по обработке следа, ротвейлер успешно привел к заброшенной на окраине города металлической емкости с водой.

Открыв крышку и пошарив в люке, Соколов сразу же нашел завернутый в тряпки милицейский «ПМ» и похвалил свою собаку: «Молодец, Тор! Умница!»

Ротвейлер благодарно посмотрел на него все понимающими глазами и как-то по-своему, по-собачьи улыбнулся.

Впрочем, бывали у Тора задания и покруче.

Так, в одну из ночей на участке Соколова произошло убийство.

Когда покопались с операми в обстоятельствах дела, был установлен подозреваемый в совершении преступления.

Первичные меры розыска ничего не дали, преступник словно в воду канул.

Обходя с верным псом притоны на своем участке, Андрей обнаружил на одном из адресов скрывающегося беглеца.

Только тот хотел дернуться к оружию, как вступил в дело ротвейлер, который, выйдя вперед, грозно зарычал.

Убийца, отказавшись от нападения, испуганно сел и сдался, что называется, на милость победителя.

Очень много было случаев, когда ротвейлер Соколова находил в лесах да на болотах без вести пропавших людей, которые благодарно посматривали на собаку участкового, не решаясь погладить ее или попросить «дать лапку».

Счет задержанных преступников и раскрытых преступлений у Тора рос с каждым днем, и хозяин не мог нарадоваться на своего питомца.

Погиб Тор, можно сказать, случайно, но не нелепо, до конца выполнив собачий долг.

Пришлось как-то Соколову на своем редком выходном, который выдался на неделе, сходить в сарайку за картошкой.

Сарайка находилась в подвале старой пятиэтажной «хрущевки».

Надо же было такому случиться, что именно в этот вечер находящийся в бегах вор-рецидивист Прокудин, будучи в наркотическом трансе, отключил свет в общем подвальном коридоре и обворовывал кладовки жильцов.

Услышав шум приближающегося человека, бандит выключил фонарик и, притаившись, ждал, бесшумно щелкнув выкидным ножом.

Увидев силуэт человека, преступник нанес удар на поражение, но удар принял не человек, а невесть откуда взявшаяся собака, которая, видимо, и шла с жильцом этого дома.

Добровольно приняв удар, предназначавшийся его хозяину, Тор в коротком яростном прыжке вмял в стену рецидивиста Прокудина, взяв его мертвой хваткой…

Опергруппа прилетела быстро. Помещая задержанного преступника в УАЗ, оперативники сочувственно смотрели на участкового и его умирающую собаку.

Ветер ласково гладил черную шерстку ротвейлера, лежащего на руках участкового, словно приглашая поиграть, а тот все лежал и не вставал, и только слезы безмолвно катились из крупных карих глаз собаки, соединяясь со слезами плачущего человека.

Часть 3

Истина лейтенанта Соколова

Отче! Я открыл имя Твое человекам,
которых Ты дал Мне от мира.
Освяти их истиной Твоею, слово Твое есть истина.
И Я открыл имя Твое и открою, да любовь,
которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них.
Я на то родился и на то пришел в мир,
чтобы свидетельствовать о истине,
всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.

Иисус Христос. Евангелие от Иоанна

Как и было сказано ранее, город Печаткин располагался на севере Вологодской области, и надо сказать, что был вовсе маленьким, всего-то двадцать тысяч населения, с парой небольших заводов и крупной лесопилкой впридачу, а вокруг города кипела и била ключом деревенская жизнь, окруженная голубым маревом местной тайги, болот и рек.

Впрочем, после горбачёвской перестройки наступили лихие 90-е годы, когда народ попёр из гибнущих и заброшенных деревень в города, в поисках пропитания и лучшей доли.

В центре Печаткина, на протянувшейся через весь город улице Советской, в аккурат напротив мэрии находился Печаткинский районный отдел милиции, где сегодня в один из майских дней на очередную смену заступил участковый уполномоченный младший лейтенант милиции Соколов.

Лейтенант как лейтенант, и ничего особенного в нем нет, обычный, как и все милиционеры – в ладно подтянутой форме, тридцатитрехлетний кареглазый молодец, моложавый брюнет, что называется без усов и бороды, с залихватски сдвинутой вправо фуражке и извечно торчащей из кармана форменной рубашки авторучке – примете настоящего милиционера-розыскника.

Правда вот глаза у этого лейтенанта были какие-то усталые, и взгляд его говорил, да, этот парень повидал кое-что на своем веку, не зря при разговоре у «младшого», как ласково его называли в районном отделе, предательски подергивалась левая рука, и нервный тик бил на оба глаза.

Да и служебных обязанностей у Андрея Соколова было побольше, чем у обычного участкового. Так, по мнению руководства районного отдела, парень

«вез», поэтому и «пахал» он за троих. Кроме того что тянул он на себе привычную лямку участкового инспектора, на него возложили обязанности и дознавателя, и следователя, так как народу в РОВД всегда не хватало. А кроме этого покладистый лейтенант взвалил на себя и всю розыскную работу РОВД, нет, не уголовного розыска, конечно, а поисково-спасательную, по местным «потеряшкам», ибо своего поисково-спасательного отряда в районе не было, да и первичную работу по всем без вести пропавшим он взвалил на себя добровольно. Потому что помнил наш лейтенант рассказ местного лесника, как до Соколова розыском лесных пропащих не занимался ну абсолютно никто! И баял ему старик, как плакал он, вынося умирающих у него на руках малых деток, которых не искал никто, и об их исчезновении, как говорится, не было ни слуху ни духу.

Вот такой ничем не примечательный лейтенант заступил на дежурство в РОВД.

– Андрей! – остановил проходящего мимо дежурной части милиции Соколова дежурный помощник начальника отдела Карапетян. – Друг! Уваж меня, съезди в Литегру, опять Левичев дебоширит, сожительница звонила, просит унять!

– Что там? – уточнил для порядка Соколов.

– Да, ерунда, – отмахнулся дежурный, – правда в этот раз, похоже, переклинило мужика, выпил лишнего, поругался с бабой, а сам знаешь, ранее судимые все нервные, вот и схватился за топор, да еще у сожительницы ребёнка вроде отобрал…

– Что ж ты раньше об этом молчал? – попрекнул дежурного Соколов. – Где дежурка?

– Да у подъезда уже, ждет тебя. Группу захвата и оперативников я тебе не дам, сам понимаешь, ерунда там, мало ли спьяну баб мужики гоняют.

– Разберусь, – коротко бросил лейтенант, выходя из РОВД, где у подъезда его действительно дожидался Юра Кузнецов, милиционер-водитель дежурного УАЗа с выцветшими надписями «Милиция» на обоих бортах и целой кучей спецсигналов на крыше машины.

– К Левичеву? – для порядка переспросил водитель. – Путь не близкий, – и, получив утвердительный кивок, завел машину и плавно тронулся с места.

Ох, и красив Печаткин в мае! Словно белоснежными облаками ласкали взор цветущие яблони, где-то на детских площадках играли дети, и блестела на солнце разделяющая город с двух сторон красавица река, и абсолютно ничто не предвещало беды, и хотелось думать, что во всем мире так тихо и безмятежно.

–Тридцать девятый, тридцать девятый, ответь первому, – ожила и грозно затрещала рация.

– Да, на связи, – привычно ответил Соколов.

– Андрей, извини, что отправил одного, опять звонила сожительница Левичева, боюсь, там дело дрянь. Левичев с топором захватил в заложники грудного ребёнка, угрожает убить! – на одном дыхании выпалил информацию дежурный и добавил. – В область позвонил, обещали с ОМОНом, в РОВД группу захвата соберу, кину к тебе, ребята, продержитесь там!

– Подторопи спецов, – сухо попросил участковый и выразительно посмотрел на водителя, тот понимающе кивнул, щелкнул тумблером СГУ, и, взвыв сиреной как знаком беды, с включенными проблесковыми маячками УАЗ, буквально выжимая из себя все силы, на огромной скорости, обгоняя городские автобусы и авто, понёсся к месту вызова.

Быстро вечерело, а путь действительно предстоял не близкий, деревенька-то была дальняя в их весьма большом районе.

Ну, вот мы и на месте, подъехали к стандартному двухэтажному панельному дому, где из нарастающей тьмы к машине подбежала трясущаяся от ужаса и горя заявительница:

– Сделайте хоть что-нибудь, он убьет мою дочь…

Не давая возможности даже спросить что-либо, женщина всхлипывала и повторяла: – Он захватил мою дочь Катю, топором угрожает расчленить её и выбрасывать из окна по кускам…

Андрей заметил группу молодежи, стоящую на расстоянии от дома и с ужасом наблюдающую за происходящим.

Стук в дверь ничего не дал, соседи по дому пояснили, что двери плотно забаррикадированы. Из квартиры доносился детский плач и отборные угрозы пьяного Левичева.

«Первый этаж – это уже полегче, – размышлял Соколов, – лестницы не потребуется».

Попросив нескольких сильных мужчин и милиционера-водителя барабанить в двери, отвлекая внимание преступника, Андрей проскочил под окнами дома.

В это время в машине надрывалась рация, Соколов подбежал к ней, коротко обрисовав ситуацию.

– Вот что, Соколов, – по рации скомандовал дежурный, – в квартиру не лезь, до приезда спецназа и нашей группы захвата охраняй место происшествия!

– Да некогда мне, – обрывая на полуслове дежурного, коротко выдохнул Андрей, – спецов подгоняйте скорее, плохо здесь…

Но что именно здесь плохо Соколов уточнять не стал, бегом вернувшись под окна дома, где в любой момент могла произойти чудовищная трагедия.

Картина, представшая перед глазами Андрея, осторожно заглянувшего в окно спальни, была похожа на фильм ужасов.

Верзила с остекленевшими от пьянства глазами в одной руке держал за ручонку как куклу голого грудного младенца, в другой – большой заточенный

окровавленный топор, и в ярости орал, что убьет ребёнка и разрубит его на куски точно так, как до этого он рубил мясо, при этом нелюдь с силой бросил кроху на кровать и замахнулся на нее топором. Андрей понял, что сейчас на его глазах может произойти непоправимое, испугался так, что ему даже показалось – волосы у него на голове встали дыбом, хотя и в армии гвардии сержант не раз был обкатан танками, да и по розыску пропавших насмотрелся всяких ужасов.

Сейчас он испугался уже по-настоящему за бедного ребёнка, потом разозлился на себя, такого беспомощного, на спецов и группу захвата, которая все не ехала, и ясно понял, что помочь этому ребёнку кроме него самого никто не сможет, ведь понятно же, если тупо ждать, убьёт этот дурак ребёнка, а приехавший ОМОН его положит. Поэтому деревянными руками он извлек из кобуры верный пистолет Макарова, сухо лязгнув затвором, дослал патрон в патронник и приготовился работать на поражение через двойные оконные рамы.

Каким-то звериным чутьём нелюдь даже не увидел, а почувствовал у себя за спиной кого-то и, схватив ребёнка, сел на кровать, прикрылся его тельцем как щитом, приставив заточенный топор к голове крохи.

Вариант стрельбы из штатного оружия исключался.

Убрав бесполезный «ПМ» в кобуру, Андрей попытался подтянуться на подоконник, но профессиональная реакция не подвела, подсказав ему молниеносно спрыгнуть на землю, так как преступник вскочил и, прикрываясь ребёнком, лезвием топора сокрушал стекла и оконный переплет там, где только что была голова милиционера.

– А, жить надоело, не возьмёшь! – бушевал пьяный.

В эти короткие как сама жизнь секунды, понял Андрей, что хотя он сейчас и один, но в то же время за ним сейчас незримо вся Родина, все государство, с его церквями, пушками и пулеметами, и понял он, что вероятнее всего сейчас придётся ему умирать, коли он вмешается. В то же время нахлынуло на него такое чистое и светлое чувство любви и сострадания к этому, в общем-то неизвестному и чужому ребёнку, что он принял единственно верное решение.

– Что ж, поиграем в индейцев, – мелькнула несуразная мысль, Андрей снова заглянул в комнату и отпрянул: поджидавший преступник рубанул топором по окну, пытаясь задеть лейтенанта, и так несколько раз, затем, увидев милиционера, нелюдь с силой метнул в него топор, пролетевший над головой Андрея.

Рванув из кармана баллончик милицейской «Черемухи», Соколов распылил у разбитого окна слезоточивый газ и, воспользовавшись тем, что преступник отошёл от окна, пробивая собой стекла и разбиваясь в кровь Андрей запрыгнул в комнату. Ошалевший от такой неожиданности Левичев бросил младенца на кровать и схватил в руки нож и отвертку.

Вот где Андрею пригодились знания и навыки рукопашного боя! Вложив всю

силу и ярость в один короткий прыжок, приемом контактного каратэ – коротким ударом ноги в лицо, Соколов «выключил» несостоявшегося убийцу и одел на него наручники.

Посмотрев на ребёнка и убедившись, что тот жив и здоров, Андрей закутал кроху в простынку, которая стала краснеть от его крови, и передал ребёнка в руки не верящей в произошедшее спасение матери.

Уже усаживая очнувшегося преступника в УАЗ, Андрей услышал сирены сразу нескольких спецавтомобилей, подъезжающих к дому.

– Бронежилеты не потребуются, отдыхайте, – устало заметил лейтенант милиции.

– Это кто должен тут отдыхать? – забасил знакомый голос, и Андрей узнал, что сам начальник РОВД полковник Ужиков лично пожаловал на место происшествия.

– Так, пропустите-ка меня к герою, – шуганул своим басом и полковничьими звездами на погонах начальник бойцов ОМОНа и местной Печаткинской группы захвата, собравшихся рядом с участковым.

Соколов привычно козырнул начмилу и готовился, было, доложить по всей форме, но Ужиков прервал его: – Знаю, знаю, но ты только скажи мне, почему ты не выполнил приказ не вмешиваться ни во что и ждать нас?

– Я доложу вам, товарищ полковник, в форме рапорта, – попытался оправдаться Андрей, – нельзя было терять ни минуты.

– Ну ладно, ты это у меня брось, рапортами раскидываться, писатель нашёлся, – взглянул на него Ужиков, а затем смягчился, – впрочем, ты молодец, завтра же на тебя начальник отделения составит рапорт о твоём поощрении, заслужил, можешь возвращаться к несению службы!

– Есть! – коротко козырнул Соколов.

Действительно, по прибытии дежурный буквально завалил Соколова как старшего по автопатрулю всякой мелочёвкой: семейными скандалами и прочей бытовухой, но как бы ни было, время дежурства подходило к завершению, как вдруг рация на «патрульке» ожила: – Тридцать девятый, тридцать девятый, ответь первому!

– Слушаю, – ответил водитель.

– Так, принимайте ориентировку, на улице Стаханова черный джип «Чероки», государственный номер три шестерки, совершил наезд на пожилую женщину, которая сейчас в больнице, примите меры к задержанию, разыскиваемый автомобиль может находиться в вашем районе!

– Ох, ничего себе! – выдохнул водитель, – Это же авто самого мэра Гадецкого, друга начальника нашего РОВД, интересно, как это дежурный не испугался?

– Не робей, Петруха, прорвёмся, – пошутил Соколов, затем вмиг посерьезнел:

под конец смены такая гадость прёт…

Впрочем, верна пословица: на ловца и зверь бежит, так и в этом случае, буквально через пару минут навстречу им показался черный мэрский «Чероки» со всеми джиперскими «прибамбасами» на кузове.

– Юра, тормози, будем брать! – коротко приказал Соколов и выпрыгнул из машины, УАЗ остановился, завораживающе подсвечивая темноту включенными мигалками.

Встав посреди проезжей части, Андрей поднял руку с гаишным жезлом, останавливая джип, который, казалось, и не думал останавливаться, мигая светом дальних фар, требуя уйти, но милиционер и не думал уходить с дороги.

Недовольно фыркнув двигателем, авто остановилось.

Подходя к джипу, Андрей заметил на машине явные следы ДТП, ревуче зажужжал стеклоподъемник, открывая окно в «хлам» тонированного джипа.

– Лейтенант Соколов! Предъявите ваши документы! – сухо представился и потребовал Андрей.

В ответ из прокуренного салона машины протянулась холеная рука с золотыми кольцами с крупными бриллиантами на пальцах, которые вертели красные депутатские корочки.

– Выйдите из машины, – был неумолим Соколов.

– Ты знаешь, ты хоть догадываешься, с кем ты связался, сявка милицейская? – запинаясь в словах, прошипел водитель из машины, и из джипа кое-как вылез сам градоначальник, мэр и депутат Гадецкий.

Так и есть, пьяный, лыка не вяжет, моментально определил Соколов и вежливо предложил чиновнику: «Пройдёмте в наш автомобиль!»

– Я тебе пройду, ты у меня сам сейчас пройдёшь, – заугрожал, заупрямился мэр, потом вспомнил что-то, – так твой начальник Ужиков на месте? Впрочем, знаю без тебя, на месте! Хорошо, пойдем, но, боюсь, ты завтра в моем городе работать уже не будешь! Понимаешь, мент? Нигде и никем!

Прервав грозные тирады, «слугу народа» все-таки доставили в РОВД, где Соколов с водителем написали подробные рапорты о задержании мэра города и района.

Не прошло и получаса, как Соколов был вызван к начальнику РОВД, где в кабинете начмил был отнюдь не в грустном состоянии, а даже в приподнятом, на что указывали пара пустых бутылок водки и остатки снеди на столе, в пепельнице дымились несколько дорогих сигар.

– Так, герой, допрыгался? – грозно вопрошал Ужиков. – Ты чего, охренел? Мэра задержал, у нас не кино, где ковбои в справедливость играют, да по окнам скачут, дежурного я уже наказал, водитель твой рапорт уже отозвал, остался ты на закуску, ну и что делать с тобой прикажешь?

– Я не совершал ничего! – упрямо мотнул головой лейтенант. – Прошу по моему рапорту принять меры!

Вдруг начмил улыбнулся: – Да ты пойми, дурья твоя голова, мэр уже обо всем позаботился, потерпевшая претензий не имеет, сам факт ДТП под вопросом, тебе, что, больше других надо?

– Прошу принять меры по моему рапорту, – был неумолим участковый.

– Ну что с тобой поделать? – продолжал улыбаться Ужиков. – Пойми, ты у нас на самом лучшем счету, пора расти, со временем мое место займешь, да и по твоему вечернему задержанию у руководства есть мнение – представить тебя к государственной награде, а это, сам понимаешь, медаль или даже орден! От тебя требуется одно: быть в команде, а рапорт забрать, не было его, твоего рапорта, понимаешь!

– Прошу вас принять меры по моему рапорту, – был неподкупен Соколов, – при непринятии мер оставляю за собой право обращения в УВД области!

– Ах, так! В УВД? – зло выдохнул полковник. – Ну, хорошо, иди, только знай, ты у меня был лучшим, станешь худшим! Будем относиться к тебе беспощадно! Пошёл вон!

Соколов привычно козырнул, повернулся через левое плечо и уже перед дверью остановился, посмотрел на полковника: – Мне стыдно, что я ношу такие же, как вы, погоны. Такие, как вы, забыли об офицерской чести!

– Иди отсюда, – устало махнул на него рукой начальник, – так ты ничего и не понял…

После этого действительно наступили у Соколова тяжелые времена, правда, он не унывал, с головой уйдя в работу.

Хотя разные «мелочи» действительно досаждали ему: вначале мэрия отказала в обещанной квартире его жене, как он ее называл – Елене Прекрасной, затем без всяких объяснений и причин отказали в служебном жилье и ему, а это было весьма обидно и болезненно, потому как квартиры достались более молодым сотрудникам. Хотя многие сотрудники РОВД и одобряли позицию Соколова, но делали это втайне, опасаясь мести руководства.

А работы действительно хватало: это и дела по участку, ведение уголовных дел, по дознанию и следствию, да и пропащие «потеряшки» не давали покоя.

Вот на днях поступило заявление от Васнецовой, что ушли в лес за ягодами и запропали аж семь человек сразу: две бабушки, дышащих на ладан, да пятеро их малолетних внучат. Заявление как всегда припоздало, поэтому участковый со своей добровольческой внештатной командой из неравнодушных милиционеров, горожан, селян, лесников дневал и ночевал в лесах, да и на болотах, иногда приходя к ночи домой по уши грязный, весь в болотной тине, не хуже лешака.

Ночью, у себя на частной квартире печатал материалы уголовных и

розыскных дел, в то время когда кроткая и добрая жена ночью стирала ему форму и подшивала дела, а дети, не видящие отца, давно спали.

Потому что времени в часах у Соколова было двадцать четыре, как у всех, и его, времени то есть, ему как раз и не хватало…

Розыск – оно дело понятное, людей надо спасать, но вот поди ты, найди сперва этих людей, легче иголку в стоге сена найти.

А так помощников много у него было по поиску пропавших, по пропаже бабушек и детей, пришлось ему самолично даже в храм, что на Николиной горе, в лесу стоит, приходить.

Объяснил все обстоятельства пожилому священнику, мол, в колокола бейте и молитву творите, на что служитель церкви испытывал: «А сам-то ты в Бога веришь, есть ли Бог в тебе, коли за такое дело взялся?»

– Не знаю, – оробел вдруг участковый, – хочу верить в самое доброе, чистое, что есть Он в людях.

– Хорошо, – улыбнулся по-отечески так священник, – за пропавших все будем молиться, и в колокола ударим, раз просишь, только и ты не робей, проси у Бога помощи в работе своей!

Уже на третий день безрезультатных поисков удалось-таки Соколову выпросить у местного авиаотряда старый «МИ-8» на часок, пилоты вошли в положение, и старый вертолет, нарезая круги, барражировал и глушил горючее над бескрайней Вологодской тайгой под тревожно-набатное пение церковных колоколов.

Именно в тот час Соколов мысленно молился о нахождении пропащих и избавлении их от гибели.

Была ли это молитва, участковый не знал, слова лились как быстрый лесной ручей, и были чистыми и прозрачными, как колодезная вода, и до того его, наверное, первая, по-юношески чистая молитва была горяча, что даже слезы беззвучно катились из усталых глаз.

И надо же было такому случиться, что когда отправил вертолет восвояси, именно он со своей группой, практически в течение часа нашел и вывел из леса всех заплутавших!

Поразило, что когда людей вывели из леса, старые женщины, увидев скопления людей-добровольцев и различную технику, бухнулись на колени и славили Господа за свое спасение и спасение детей, возносили молитвы во славу спасавших!

Впрочем, когда терялись большие группы людей, все было гораздо проще, легче выделялась запрашиваемая техника и люди.

Совсем другое дело, если пропадали в лесу один или два человека, особенно если в районе было несколько случаев одновременного исчезновения.

Так произошло и в случае с пенсионеркой Серовой, которая убрела с малой

внучкой по ягоды в леса да на болота, и, как говорится, с концами.

А в районе и другие «потеряшки» не ждут, вот и приходилось едва ли не одновременно крутиться и успевать.

Приходилось делить группу надвое, а самому искать людей и в одиночку.

Так и по Серовой, нашел старую пенсионерку и ее внучку участковый тогда, когда она и ходить-то больше не могла, как и ребенок.

Смастерил он подобие слег-жердей, положил ее на лесные импровизированные носилки, ребёнка подвязал типа люльки на грудь, жерди себе на плечи и понес.

По сырому болоту, проваливаясь по пояс в холодную воду, а кое-где вода доходила даже до груди, где-то вода отступала, и трясина была похожа на гигантскую растянутую перину, по которой, раскачиваясь, идешь, не зная, какой шаг станет последним.

Жерди больно впивались в плечи участковому, но кому тут пожалуешься?

Взялся за гуж…

Уже при подходе к городу оживала рация в кармане, лейтенант вызывал «Скорую», которая, подъехав к распаханному полю, не ехала дальше. На недоуменный вопрос в «дежурку», – в чем дело, – «дежурный» пояснял, – машина у медиков помыта, колеса боятся загрязнить, выноси сам.

Что ж делать, Соколов выносил, как же, внук фронтовика-комбата, дед его еще с измальства воспитывал, с ним же его роднил такой же, как у его деда, тягучий окопный кашель, приобретенный в лесах да на болотах.

Хотя бывали разные дела.

Розыск пропавших дело добровольное, так вот и Андрей объяснял своим, что, мол, орденов и медалей на этом деле не заработаешь, мы людей спасаем.

Иногда удивлялся, когда на поиске ребята, прошедшие горячие точки и войну, «ломались», когда предстояло выносить из лесной местности разложившиеся останки погибшего без вести пропавшего, отказывались нести, и тогда участковый, беззлобно хлопая кобуру верного «ПМ», выносил пропавшего на себе.

Ведь понятно, не тридцать седьмой год, не заставишь, дело добровольное!

Вот поэтому и говорил лейтенант своим, что вроде бы и не стреляют, и время мирное, а люди продолжают гибнуть, потому что умирают зачастую из-за равнодушия человеческого, которое гораздо страшнее пистолета.

Иногда до такой поры ломало Андрея от усталости и тяжести перенесенного, что, прикорнув на часок в лесу, он видел дивные то ли сны, то ли видения, и виделся ему чудесный сад, весь поросший и благоухающий розами, в прекрасном водоеме радовали взор водяные лилии и лотосы, и сам Христос шел к нему с кроткой радостной улыбкой, и еще снились ему мать его Мария и бабушка Анна, словно будившая его своим певучим окающим вологодским

говорком: – Робить, Андрюша надо, робить, вставай, робота тебя ждет…

После этого зачастую деревенские мальчуганы заявляли ему: – Дядя милиционер, а вы светитесь, словно бы солнышко взошло над вами.

И что интересно, в эти моменты чувствовал Андрей на душе и теле удивительную благодать и спокойствие.

Впрочем, и на своей чисто милицейской работе случались удивительные вещи, которые он, собственно, приписывал везению.

Возвращаясь с дежурства безоружным на попутном бортовом ГАЗике и видя в центре города агрессивного пьяного с карабином в руках, от которого в ужасе шарахались женщины и дети, Андрей давал команду водителю грузовика включить все сигналы, выезжать на тротуар и, пугая преступника внезапной психической атакой, в прыжке обезоруживал негодяя.

А как-то в ночной группе буквально случайно отловил после ночной погони безумного типа с радиоактивным контейнером и желанием через очистные сооружения водозабора отравить целый город!

Естественно, Соколов не считал это за подвиг, не считал он и за подвиг, когда до прибытия пожарных расчетов спасал с нарядом ППС людей из горящего двухэтажного дома, да так, что потом удивлялся собственной везучести – сам целехонек, лишь форменная рубашка в копоти от дыма и дырках от огня. Не считал он за подвиг, когда попутно, вроде михалковского дяди Степы, спасал тонущих на льдине детей и в этот же день выдергивал из-под колес поезда падающую девчушку.

Хотя, конечно, придирки чиновников в погонах весьма огорчали. Над ним смеялись его начальники, говорили: «Других спасал, а сам даже без квартиры. Пусть твои спасенные походатайствуют за тебя! Нечего не своим делом заниматься, блин, белая ворона!»

Хотя когда работал Соколов чисто по охране правопорядка, удивлялся он, вот такие разные есть люди.

При этом вспоминал ситуацию, когда его окликнула посторонняя девушка, мол, извините, товарищ участковый, но ей показалось странным, что незнакомый мужчина повел в заброшенный лесопарк маленькую девочку.

Что и говорить, проверил эту информацию Соколов, иначе он не был бы самим собой. Так и оказалось, в лесополосе, у старого заброшенного туалета лейтенант увидел безобразную картину: молодой еще мужик, сняв штаны, пытался приступить к насилию над ребёнком.

С такими участковый особо не церемонился: коротким безжалостным ударом ребра ладони по шее негодяя Андрей отправил его в недолгий сон.

Впоследствии нелюдь «поблагодарил» участкового, заявил, что шансов на жизнь у ребёнка не было, ибо это был соседский ребенок, знавший его, и жизнь того оборвалась бы там же, в старом туалете.

Так получается, что своим неравнодушием спасла та девушка жизнь ребёнку.

Из этой же череды был случай, когда, возвращаясь с дежурства после ночной дискотеки, участковый услышал крик о помощи и в лесопарковой полосе буквально снял приемами каратэ и дзюдо с юной старшеклассницы группу мерзавцев-насильников. Что удивило, когда он задержал негодяев и попросил проходивших мимо женщин позвонить в милицию, те испугались, говоря, что это не их дело, хорошо, что мир не без добрых людей – позвонили другие.

Хотя, временами, после той, «мэрской истории» участковый видел, как прессуют его родственников на работе, особенно мать – работника одного из отделов мэрии. Что поделать, Гадецкий и Ужиков оказались весьма злопамятными.

Вскоре участковый принял одно «интересное» заявление: молодая пара уехала за иномаркой и пропала. Соколов стал «копать» и «докопал» до раскрытия убийства, правда, ему долго пришлось убеждать своих начальников в этом.

Особенно морщились они, когда он просил организовать охрану детей пропавших.

– Есть у тебя свободное время, охраняй сам, – говорили ему начальники, – это не наше дело – охранять людей по их квартирам, нет такого закона, нет!

На что Соколов, ничего не отвечая, брал в дежурке пистолет и автомат и охранял детей до тех пор, пока убийцы не оказались задержаны.

Потом на участкового свалилось еще и настоящее горе: умерла мать, плохо ей стало на работе, а скончалась практически в тот же день, в больнице.

Соколов, получив страшное известие, успел-таки на последние земные минуты своей мамы, когда врачи в спешке кололи ей уколы, пытались реанимировать её электроразрядами. И последнее, что Андрей успел увидеть, это были глаза его мамы, смотрящие на него с всепрощающей любовью, и он явственно увидел, как свет исшёл из неё.

Вот и все.

Провожал ее целый район, ибо уважали очень многие, даже мэр Гадецкий умудрился побывать на похоронах. По какой причине – Андрей тогда не понял.

Такой вот он запомнил ее навсегда, свою маму – доброй и родной, нежной, настоящей и кроткой, всегда излучающей радость и любовь к окружающему ее миру.

Маму, как и Родину в сердце держать надобно и никому не отдавать, ибо, сдав мать, ты предашь и Родину, потому что верно говориться – Мама и Родина неразделимы.

И вот он Ее потерял, Ее – свою Родину

Впрочем, скучать Соколову не приходилось, ибо работы навалилось после этого весьма много, пошли случаи массовых исчезновений людей в городе и

районе.

Хотя многие бывшие знакомые, «выбившиеся в люди», не понимали его, говорили, что он занимается не своим делом. Были среди них и «авторитеты», говорившие: «Командир, вот мы за ум взялись, на «джипах» да «мерсах» новых катаем, все стали предпринимателями и депутатами, производство заимели, свои семьи на море не по разу в год возим. А ты? Как ездил на старой дряхлой «Таврии», так и ездишь, и семью свою ты ни разу на море не свёз отдохнуть. Ради чего живешь и работаешь ты?»

На что Соколов отвечал им: «Я живу и работаю ради истины, верю, что моя помощь нужна людям, а истина моя – это справедливость, милосердие и любовь, и без истины этой все мы мертвы».

Удивлялись ему на эти речи, пожимали плечами и отходили, да и как понять его, если все друг другу, мягко говоря, не друзья, и что взять с ментозавра, взявшего в кредит дорогущего ротвейлера для общерозыскных целей.

Наметился у Соколова и определенный прогресс по розыску: так, в одном случае сообразил он, что группа негодяев отомстила пропавшей женщине самым жутким образом, заманив ее в частный дом на берегу реки, где убили ее, расчленили и утопили в реке, привязав кусок рельсы к телу.

Был участковый ночью в том доме, с теми мужичками, и когда убийцы сообразили, что лейтенант догадался о случившемся, знали, что он один, глумились над ним: – Вот ты один и без оружия – как выйдешь отсюда?

Впрочем, вышел оттуда участковый силой духа своего, не побоялся, и нелюдей за решетку определил.

По другому делу вообще все интересно выходило: пропадали у одного мужичка раз за разом его приятели, догадался участковый в чем дело, осмотрел притон, где жил этот нелюдь на окраине города, а там ужасы – остатки расчлененных тел да орудия преступлений – топоры и ломы со следами крови, никакого люминала не надо, а в холодильнике, вообще лучше не открывать! – головы «потеряшек».

Вызвал лейтенант опергруппу и спецназ, но не нашли нелюдя тогда.

Был у Соколова на следующий день выходной, а в отделе строго - «ПМ» заставили сдать, и вот тебе незадача: получил он от своего доверенного лица информацию, где скрывался беглый преступник.

Ну, проверил участковый квартиру, да, подтвердилась информация, что беглый в притоне в этой самой квартире, на первом этаже пятиэтажки.

В ответ на стук в дверь в лютой ярости кричал ему нелюдь тот: – Давай, участковый, заходи, на тебя и топор, и ружье припасено, сегодня смерть твоя пришла, готовь гроб себе!

Вызвал Соколов тогда группу захвата, так как из оружия у него лишь форменная рубашка да пустая кобура.

Прибывшая группа была малочисленной, всего два человека, зато в полной

экипировке – с касками, бронежилетами, автоматами, пистолетами и спецкарабином впридачу.

В общем, началась тут стрельба-пальба, Соколов только людей успевал отгонять от притона, затем штурм!

Во время штурма, когда Соколов и два бойца выбили двери притона, накрыв группу местных жуликов этой самой дверью, бандиту удалось вскочить, он схватил топор, увидел перед собой беззащитного и безоружного участкового, с силой метнул в него топор.

Два бойца в полной броне отпрыгнули по сторонам, конечно, и Соколов мог уйти с линии атаки, но в тот момент из соседней квартиры выскочили малые дети, и участковый в прыжке назад, отталкивая их, закрыл детей собой.

Участковый не особенно верил в чудеса, но в этот момент произошло необъяснимое: Андрей был готов поверить, что время остановилось, и летящий прямо в голову топор застыл в воздухе, затем, словно пробудившись, время пошло очень быстро, топор-убийца неисповедимым путем поменял траекторию полета и больно ударил участкового в левое колено. Оставшись без оружия, преступник сдался милиции.

Что было дальше, Андрей никогда не забудет, нет, это не то, как его грузили на «Скорую помощь» ребята с автоматами, а запомнилось, что когда перед больницей его выгружали из «Скорой», к нему подошел один из замов мэра Гадецкого, толсторожий, рыжеволосый Селев, и как-то по-крысиному плотоядно улыбнувшись, поинтересовался: – Что здесь, учения?

Заметив набухающую от крови повязку на ноге участкового, цинично поинтересовался, что знает ли он, что его мать до инфаркта довел именно мэр Гадецкий, сорвав на ней злость, а в больнице ее лечили по указанию свыше не от инфаркта, а от болезни желудка!

При этом городской чиновник выразительно посматривал на кобуру участкового, и взгляд его красноречиво спрашивал: как отомстишь ему за смерть матери?

Соколов не помнил, что ответил тогда этому чиновнику, помнится, что побелел весь-весь, и сердце свело от знакомой боли, нет, ничего он не ответил тогда этому человеку, да человеку ли?!

Даже когда зашивали рану, Андрей не чувствовал ничего, хотя на душе было невыносимо больно.

Еще больнее было, когда он, прогуливаясь на костылях на улице, вероятно случайно повстречал полковника Ужикова, который «порадовал»: – Ну, что, довоевался? Против тебя начата служебная проверка, готовься к наказанию, рапорт на твою госнаграду я порвал! И вообще, ты поступил как свинья, нечего тебе было там делать! Выздоравливай, затем марш на медкомиссию и вон из органов!

Что самое удивительное, даже те, кого он считал друзьями, предали,

испугавшись проведать его на дому.

– За что? – молча плакал у прекрасного деревенского пруда лейтенант, горячие слёзы беззвучно катились из его усталых глаз по обветренному лицу и падали в чистые родниковые воды. – За что?!

Впрочем, молился за своих обидчиков наш лейтенант, ибо воистину «не ведают, что творят!»

Но время шло, и действительно на участковом все зажило, как на собаке. Едва выйдя на работу, Соколова вызвал к себе начальник отдела кадров и, старательно пряча глаза, подал ему бумажку – направление на медкомиссию: – Бери, Андрей, не расстраивайся, там уже все решили за нас, готовься на гражданку, а так у тебя сегодня последний рабочий день, прогуляйся по участку…

Солнце светило ослепительно ярко и празднично, как и тогда, в тот день, когда началось наше повествование.

Участковый шел, слегка прихрамывая на раненую ногу, до дома оставалось не так уж и много. Когда переходил дорогу у светофора с включенным для пешеходов зеленым светом, привычно поздоровавшись с неторопливо, гуськом переходящей «зебру» группой воспитанников детского сада с воспитателями, Андрей услышал рев несущейся автомашины.

Так и есть, нарушая все возможные правила, на светофор вылетел на огромной скорости большой черный джип с тремя шестерками на номерах, мэр Гадецкий, как всегда пьяный!

Что думал и чувствовал в те минуты Андрей, мы уже никогда не узнаем, по словам очевидцев он выскочил вперед и закрыл собой группу детей.

И – о чудо! Словно бы включилась какая-то неведомая сила, словно невидимой стеной закрывшая участкового и детей от грозящей опасности, и чёрный джип, как ревущий зверь, стал запрокидываться и ложиться набок как игрушечная машинка, и тут случилось непредвиденное, от стайки детей отделилась маленькая девочка – несмышленыш и бросилась в ту же сторону, куда падала машина.

В прыжке вырвавшись из-под щита спасительной защиты, Андрей сумел отбросить девочку в сторону, а вот сам уберечься не смог, многотонный ревущий джип накрыл его всей своей звериной тяжестью.

Когда приехала «Скорая помощь», все уже было кончено, у смятого, закопченного джипа с отвалившимися и обгоревшими номерами лежало два трупа, слева – обугленного как головешка пьяного мэра, справа – абсолютно не тронутого огнем участкового, около которого стояла на коленях и плакала воспитатель детского сада, та самая юная школьница, которую когда-то он спас от насилия…

Хоронили участкового Соколова при небольшом скоплении народа, с утра

шел дождь, омывший следы недавней трагедии, затем прояснило, и выглянуло солнце, ярко одаряя всех своим светом и теплом, словно бы ничего и не случилось, говоря всем своим видом: жизнь продолжается, и жизнь удивительна и прекрасна.

Народ шушукался, мол, в этот же день погребают мэра Гадецкого, там вся тусовка, куча «меринов», говорят, даже приехал замгубернатора, и даже есть решение назвать именем мэра одну из городских улиц.

Немногие пришли из РОВД, а те, что и пришли, пристыженно и сконфуженно молчали, и в глазах многих читалось если не осуждение, то непонимание.

Из руководства присутствовал только начальник отдела кадров капитан Качанов, ему и предоставили слово, он подошел к гробу, хотел что-то сказать, но закашлялся, даже старого служаку пробила слеза: – Не могу, вы понимаете, я ничего не могу… ни сделать, ни тем более исправить…

В это время небо полностью прояснилось, и вдруг на небе, над местом похоронной церемонии показалось светлое облако, и в тот же момент из гроба изошёл ослепительный яркий свет, который был подобен свету сварки и тысяче сверхярких ослепительных прожекторов.

Откуда-то сверху зазвучала строгая торжественная песнь, будто бы сам небесный хор воспел, отдавая дань высших почестей Приходящему.

Когда гимн стал нестерпимо громким, а свет – невозможно ярким, люди увидели ослепительный шар, как бы с крыльями, парящий над гробом подобно голубю.

Многие тогда божились, что видели в этом шаре фигуру светоносного Ангела, вид которого был дивен и прекрасен, и его одеяние блистало чистотой первого снега.

Когда потрясенные люди очнулись, первое, что они заметили, что все стоят на коленях с молитвенно поднятыми руками, а над ними по всему небосклону сияет немыслимыми красками ярче любых бриллиантов радуга, и не сразу все заметили, что ГРОБ БЫЛ ПУСТ!

Забытый герой. Малышев Андрей Валентинович

Не в словах Бог у человека, а в делах его

Отечество сильно своими героями. Один человек способен изменить очень многое, если он стоит на страже, оберегает сограждан не по приказу, не за материальные блага, а по велению души, всем сердцем болеет за настоящее и будущее не только страны, но людей, которым помогает, рискуя жизнью.

Вправе ли общество забывать об искренних и чистых в помыслах и действиях хранителях спокойствия. Когда такой герой жертвует всем личным, грудью поднимается на защиту слабых, обиженных, несчастных. Встает перед бандитами, закрывая своим телом беспомощных женщин и детей, вытаскивает людей из болот, находит в чащах, спасает от диких животных, из последних сил выносит из бескрайних лесных лабиринтов.

Можно, конечно, вообще не помнить ничьих заслуг, спрятать в глубинах памяти и времени все хорошее, что делает для страны и общества человек, помышляющий только о благе и процветании государства и каждого его жителя в отдельности.

Но, может быть, зашевелится что-то в душе власть имущего, не все чиновники стали олицетворением безучастного бездушия.

Новое поколение молодежи потеряло ориентиры в современной жизни. Куда идти, за кем следовать, кто является патриотическим ориентиром, кто встанет перед врагом в случае необходимости, если настоящих героев смешивают с

грязью или, в лучшем случае, не хотят замечать вообще. Молодежь должна знать, что искреннее желание служить обществу не будет безответным.

Известный герой не должен быть забыт!

Андрей Валентинович Малышев оказался в органах правопорядка, потому что хотел служить и защищать – людей и идеалы патриота и гражданина. Не блага и деньги – нечто большее в душе привело его в ряды милиционеров. Во время службы в Сокольском ГОВД УВД Вологодской области много раз спасал людей в совершенно невообразимых обстоятельствах, когда еще не существовало поисково-спасательной службы, не было отрядов МЧС. Отыскивал пропавших, выносил живых и мертвых из болот и бескрайних лесов, обезвреживал опасных преступников, получал травмы и ранения, подвергался опасностям на грани жизни и смерти, загубил свое здоровье, но никогда не сдавался и не отступал, невзирая ни на что.

Милиционер – это нечто большее, чем рядовой член общества. Он живет со знанием и чувством того, что жертвует собой во благо других. Это часть его внутреннего самосознания, долг становится его сутью и основой самовыражения. Таким человеком быть очень трудно. Он несет груз ответственности за все происходящее, его честность иногда кажется странной на фоне всеобщей неправедности и лживости. Такой человек – бессребреник. Он отдаст последнее, пожертвует всем материальным, он безвинно чувствует вину за чужие ошибки, всегда попытается помочь всем, кому плохо, отдать, что имеет.

Андрей Малышев никогда не считал, что совершает подвиг, когда одних спасал на пожарах, других вытаскивал из воды. Любыми способами, не думая о своей безопасности, предотвращал гибель людей, потому что такая работа, таково состояние души, так бьется сердце.

Биография А. В. Малышева – развернутый атлас свершений, настоящая книга деяний гражданина, одной страницы которой хватило бы на десятки, сотни обычных жизней. Обезоружить на центральной улице города вооруженного карабином пьяного агрессора, голыми руками, не находясь на работе, просто потому, что некому больше было это сделать, никто другой не оказался рядом и не пришел на помощь женщинам с детьми и старикам. Кто еще может рассказать, что предотвратил радиационное заражение города с населением в пятьдесят тысяч человек. По тревожному вызову в одиночку противостоял банде пьяных бандитов, напавшей на детский лагерь, отказавшись от помощи прикомандированных к отделу девушек, не желая подвергать опасности их жизни. Нравственное благородство такая же составная часть его натуры, как мужество и стойкость. За спасение людей Майор Малышев был представлен к высокой государственной награде.

Странным образом представление затерялось в неких кулуарах власти. Но по ходатайству тогдашнего вологодского губернатора Золотой Звездой Героя Российской Федерации была удостоена жительница Грязовца, принявшая участие в спасении скота с

фермы-комплекса, принадлежавщей родственникам того самого губернатора. Альтернатива и годы назад показалась землякам Малышева странной, кажется таковой и сегодня. Ведь Малышев не скот спасал, а людей. И не один раз, а много раз спасал, вытаскивал других, подвергая опасности свою жизнь. Но как была власть в руках чиновников, моющих друг другу руки, такой же она и остается по сей день.

К слову сказать, о честности работников ГУВД Вологодской области ходят легенды по всей России. Как известно, они не берут взяток на дорогах, в любых дорожных ситуациях всегда отстаивают закон и порядок.

Но сюжет развернулся в противостояние честного милиционера мэру города. Ситуация выглядит достаточно странной, когда сотрудник милиции пытается бороться за законную справедливость, а чиновники начинают его за это преследовать. После того как в 1993 году Малышев А. В. отказался отозвать свой доклад об автомобильном наезде на женщину Главой района, пребывавшем в нетрезвом состоянии, было отозвано представление о награждении Малышева за спасение жизни людей. Милиционер пожертвовал собой, чтобы спасти нескольких человек, в том числе женщину. Представитель власти сбил другую женщину и скрылся с места преступления. Младший лейтенант, как неравнодушный свидетель и потому что это его обязанность и работа — попытался восстановить законность. После чего милиционер стал подвергаться гонениям и не только не получил награду, но был лишен всего, до чего смогли дотянуться нечистые чиновники от власти. Тот самый мэр, задержанный по факту ДТП, изощренно и умышленно довел до инфаркта мать Андрея Валентиновича. К самому лейтенанту Малышеву приезжала Скорая помощь не после его поединков с бандитами, а после объяснений с чиновниками, желающими оставить биографию запятнавшего себя Главы города незапятнанной.

За прошедшие годы многие депутаты различных партий ратовали за заслуженное награждение А. В. Малышева. Депутат Госдумы РФ И. В. Пономарев, лидеры партий Миронов С. М., Жириновский В. В. также ходатайствовали за майора Малышева, но получили отказ. Чиновничий аппарат не видит и не считает, что Малышев А. В. имеет заслуги перед городом и страной. Те, кто был у власти, когда Андрей Валентинович жертвовал собой для других, давно, с позором или мирно отстранены от кормил, спокойно почивают с хорошей пенсией или собственным бизнесом.

А майор милиции в отставке, человек, заслуживший хотя бы благодарность, отброшен за ненадобностью.

Клуб Издателей и Писателей «Неформат»

Депутат Гос. Думы РФ Пономарев

162130 Вологодская область

Город Сокол, улица Советская, дом 73.

Главам Администрации Сокольского Муниципального района и города Сокол Вологодской области.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Город Москва. 21.11.2013 года.

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации И. В. Пономарёв, в соответствии с Законодательством Российской Федерации и ввиду того, что представление к награждению государственными наградами России осуществляют представительные органы муниципальных образований, ходатайствует о награждении высшей государственной наградой Российской Федерации — Малышева Андрея Валентиновича, 27.08.1963 года рождения, уроженца города Грязовец Вологодской области, проживающего по адресу: 162132 Вологодская область, город Сокол, улица Производственная, дом 20, кв. 58, ветерана МВД РФ, майора милиции (в отставке), ветерана труда, ранее после службы в рядах Армии служившего в Сокольском ГОВД УВД Вологодской области с 29.12.1984 года по 07.05.2003, вышедшего в отставку по ограниченному состоянию здоровья, поощрявшегося руководством более 30 раз, в том числе награжденного Знаками «Отличник милиции», «За заслуги в обеспечении правопорядка», медалями «За безупречную службу» и «За отличие в службе» всех трех степеней, медалью «Ветеран МВД России». За спасение людей по линии МЧС РФ — Личной Благодарностью Министра МВД РФ В. Колокольцева от 09.11.2012 года и медалью МЧС РФ «Маршал Василий Чуйков» приказом министра МЧС РФ В. А. Пучкова от 19.09.2013 года. Учитывая факт, что имеются все основания к награждению А. В. Малышева высшей наградой РФ за следующее:

1. В 1993 году Сокольским районным судом Вологодской области по статье 206 частью 3 УК РФ к лишению свободы был осужден гражданин Падалка, при задержании которого работник милиции Сокольского ГОВД А. В. Малышев совершил геройский подвиг, а именно: осужденный Падалка в поселке Литега Сокольского района Вологодской области, забаррикадировавшись в квартире на первом этаже, захватил в заложницы ребенка — девочку, угрожал ее убить и расчленить топором. Учитывая экстренную ситуацию, до прибытия бойцов спецназа и группы захвата Малышев А. В., отказавшись от применения табельного оружия — пистолета «ПМ», ввиду того, что преступник закрылся девочкой как щитом, неоднократно рискуя собственной жизнью, под ударами топора бандита пробивая собой двойное стекло и разбиваясь при этом в кровь, запрыгнул в квартиру и приемом боевого каратэ обездвижил преступника и тем самым спас жизнь малолетнему ребенку. Малышев А. В. пошел на

самопожертвование чем совершил геройский подвиг, который до сих пор Родиной и Государством не отмечен.

2. В 1993 году Сокольским районным судом Вологодской области по ст. ст. 146, 206, 144, 193 УК РФ был осужден к лишению свободы гражданин Дедов, при задержании которого участковый инспектор Сокольского ГОВД Малышев А. В., находившийся на выходном и без оружия, совершил геройский подвиг, когда при штурме квартиры — притона по адресу: город Сокол, улица Вологодская дом 14 (1 этаж пятиэтажного здания) опасный преступник Дедов с целью убийства участкового Малышева А. В. через выбитую дверь с силой метнул в него топор на поражение, но Малышев А. В. не ушел с линии атаки, так как сзади пробегали безнадзорные дети, и закрыл собою дверной проем, в результате чего получил серьезное ранение; преступник был задержан. Таким образом был совершен геройский подвиг, который Государством не был отмечен.

3. В период с 1995 по 2000 год, учитывая факт, что на территории города Сокол и города Кадников и всего Сокольского района Вологодской области не было своего поисково-спасательного отряда МЧС РФ, а люди бесследно пропадали без вести и гибли в лесах, на болотах и водоемах, участковый инспектор Малышев А. В. создал внештатную объединенную поисково-спасательную группу и лично участвовал в ее работе постоянно, не освобождаясь от своей милицейской работы, а параллельно, за счет личного времени. Рискуя жизнью, проваливаясь по грудь в болотную жижу и холодную воду, Малышев А. В. и члены его группы разыскали живыми и мертвыми, на себе вынесли и спасли более ста человек. Малышев А. В. за время многолетних поисково-спасательных операций серьезно повредил свое здоровье, в настоящее время не работает. В течение многих лет Малышев А. В. совершал геройские подвиги, имел другие особые заслуги в деле спасения без вести пропавших, которые до сих пор достойно не отмечены Государством.

Исходя из вышеизложенного, ходатайствую:

Представить А. В. Малышева к награждению высшей государственной наградой Российской Федерации.

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания – Парламента РФ

И. В. Пономарев.